

"Волшебная лампа Аладдина" арабская сказка, перевод Г.Б. Ягдфельд
(Текст в общественном достоянии. Источник: TheLib.Ru)

«Волшебная лампа Аладдина»

арабская сказка, перевод Г.Б. Ягдфельд

ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА АЛАДИНА

«Что за история? Я сплю или не сплю?»
«Тысяча и одна ночь»

Спал Багдад под огромным колпаком звезд. У порогов спали собаки, вздрагивая кожей. Спали бабочки на коре деревьев. Спали люди в прохладе двориков и на крышах. Спал воздух, не шевелясь. Кошки и те почему-то спали. И во главе всего в своей опочивальне спал великий султан. Это была та мертвая точка между первыми и вторыми снами, когда люди, змеи, попугаи и муравьи находятся на самой глубине сна и тишины.

В такое мгновение на одной из улочек Багдада появился таинственный всадник в магрибских одеждах. Он покачивался на черном верблюде. Его тень плыла по неясным глиняным стенам.

Залаяла собака. Всадник остановил верблюда и замер. Где-то отозвалась другая собака. Еще одна... Всадник ждал. Собаки полаяли-полаяли и умолкли. Тогда магрибинец сошел с верблюда, обмотал все четыре верблюжьих копыта шелковыми платками и, сев на верблюда, бесшумно двинулся дальше.

Он проехал по мостику через широкий арык, где струилась и ворковала вода. Поглядел вверх...

Высоко в воздух вознесся силуэт дворцового шпиля, увенчанного полумесяцем из чистого серебра.

У закрытых ворот дворца стоял стражник. Он опирался на копьё с бунчуком; время от времени его подбородок падал на острие копья, и тогда он скидывал голову, которая тут же опускалась в непобедимом сне.

Магрибинец, как призрак, проследовал мимо.

На базаре во мраке, поджав костлявые ноги, дремали верблюды караванщиков: силуэты их горбов почти сливались с ночью. Внезапно раздался стук колотушки.

Всадник проворчал проклятие на странном магрибском чернокнижном языке и замер возле горшков у лавки. Ночной сторож завопил под самым его ухом:

– Спите, жители Багдада! Все спокойно!

Шаркая сваливающимися туфлями, сторож прошел, не заметив ночного гостя. И если кто из жителей и проснулся от его вопля, тут же он перевернулся на другой бок и, пробормотав «слава аллаху!», с легким сердцем опять провалился в сновидения.

Дойдя до подножия минарета, верблюд магрибинца лег, подогнув колени. Ночной гость ступил на землю и постоял, прислушиваясь к тишине. Где-то заплакал ребенок, но тотчас умолк. Донесся крик сторожа – слов уже нельзя было разобрать, однако и так было понятно, что в Багдаде все спокойно.

Магрибинец шагнул в темноту и скрылся в низеньких дверях минарета.

Он поднимался, считая ступеньки, штопором уходящие в небо. Изредка в узком окошечке загоралась звезда и сразу же исчезала вместе с окном.

– Семьсот семьдесят семь... – проворчал магрибинец, когда его голова показалась на вершине минарета.

Он поднял к небу непроницаемое, похожее на маску лицо.

Сверху смотрели золотые глаза звезд. Их было столько, что от них некуда было спрятаться. Некоторые подмигивали...

Магрибинец поежился и обратил взор на Багдад.

В городе нельзя было разглядеть ни крыши, ни дерева, ни верблюда. И нигде не горело ни одного огня.

– Да будет эта ночь ночью проникновения в тайну! – прошептал магрибинец, отвязал мешочек – один из трех, висевших на его поясе, и высыпал на ладонь порошок.

Он стоял на минарете и не решался. Ветер чуть не сдул порошок с его ладони. И тогда, собравшись с духом, магрибинец зажмурился и швырнул порошок в небо.

Вспышка красного огня озарила минарет, взлетело облако багрового дыма. И когда дым рассеялся, магрибинец увидел, что небо преобразилось. Вокруг звезд проступили знаки зодиака: Змея, и Семь Братьев, и Скорпион, и Рысь, и Шапка Пастуха, и Козерог с Водоносом... – все созвездия арабского неба. И – о великое чудо! – небесная твердь сдвинулась с места, и звезды медленно потекли по кругу.

Глаза магрибинца вспыхнули от жадности. Водя дрожащими пальцами по небу, он зашептал слова из древней книги предзнаменований:

– «В тот час, когда Дракон войдет в дом Сатурна, а созвездие Рака будет ему противостоять, поднимись на главный минарет Багдада и отмерь три четверти от хвоста Дракона к звезде счастья Сухейль, и от трех четвертей отсчитай семь локтей вниз...»

Костлявый палец магрибинца отмерил от хвоста Дракона три четверти и отсчитал семь локтей вниз.

– «...И ты увидишь место, где есть вход под землю, а под землей – о тайна среди тайн! – в пещере на самом дне хранится медная лампа: кто ею владеет – тот повелитель мира!...»

Палец магрибинца остановился, и он увидел то, что так жаждал увидеть: контуры каких-то развалин на светлеющем горизонте.

А губы магрибинца продолжали шептать слова из книги предзнаменований:

– «...Только перед одним человеком распахнутся врата удачи и счастья! Лишь одному человеку суждено вернуться живым с волшебной лампой в руках! Имя его Аладдин, сын Али аль-Маруфа!»

Хорошенько запомнив руины, Худайдан-ибн-Худайдан (так звали магрибинца) воздел руки ввысь:

– О звезда Сухейль!

В ту же секунду небосвод будто налетел на невидимую преграду – сразу остановился. И даже немножко отскочил назад, чтобы встать на незыблемое

вечное место. И знаки зодиака один за другим стали меркнуть... Дольше всех из глубины мироздания косил огненным глазом Конь. Но вот и Конь померк в небе.

Магрибинец задумался.

«Отыскать в таком большом городе человека – все равно что нырнуть в реку и под водой вдеть нитку в иголку...» – подумал он.

А над Багдадом уже занималась заря. Розовая дымка рассвета плыла над куполами мечетей. Из тумана и тьмы выступили кровли домов. И на минарет рядом с магрибинцем вдруг выскочил запыхавшийся муэдзин.

Худайдан-ибн-Худайдан завернулся в свои одежды и словно провалился внутрь минарета. Муэдзин отшатнулся, поглядел ему вслед. Откашлялся. И завопил не своим голосом:

– Ля-Илляга-Иль-Алла-а-а!..

С дальнего минарета откликнулся другой муэдзин, третий... Луч солнца упал на золотой купол главной мечети. Где-то поднялся аист и полетел над крышами Багдада.

И Багдад ожил. Кузнецы начали раздувать горны. Медники и лудильщики ударили молотками в кастрюли, и их звонкие удары присоединились к вдохам и выдохам кузнечных мехов. Караванчики крикливыми возгласами стали поднимать верблюдов, зазвякали колокольцы...

Однако поспешим за магрибинцем. А то мы того и гляди потеряем его в толпе, в гаме, давке и суматохе.

* * *

Мы не станем описывать базар в Багдаде, об этом можно прочесть где угодно. Скажем только, что Худайдан-ибн-Худайдан на базаре прежде всего обратился к двум дервишам: они ехали на осле и играли в шахматы, сидя лицом друг к другу. Белыми играл тот, кто сидел у хвоста. В те времена партия, как правило, продолжалась от двух до пяти верст.

– О мудрейшие мастера наилучшей из игр, не считая игры в кости! Не знаете ли вы, где живет Аладдин, сын Али аль-Маруфа?

Игравший черными загадочно сказал:

– Беру слона башней!

И ударил осла пяткой.

Магрибинец злобно пробормотал:

– Чтоб вы оба проиграли друг другу!

Сменив выражение злобы на маску любезности, он спросил у кузнеца:

– Уважаемый мастер огня и копыт, не видел ли ты Аладдина, сына Али аль-Маруфа?

Однако кузнец был занят огнем и копытами и тоже не повернул головы.

В какой-то кофейне сидел крошечный старичок. Перед ним дымилась чашечка кофе. Худайдан-ибн-Худайдан сел рядом:

– О мудрый знаток сорока радостей жизни! Уж ты-то, надеюсь, скажешь, где найти Аладдина, сына Али аль-Маруфа?

Старичок поглядел на магрибинца и благосклонно кивнул:

– Понимаю. Тебе нужен Карим, который поссорился с женой, залез в арык и прожил там три дня, не вылезая?

– Какой Карим? При чем тут Карим? Я спрашиваю об Аладдине!

Старичок удивился:

– Так бы сразу и сказал! С ним случилось вот что. Он затащил своего осла на минарет, и аллах покарал его, сделав кривым на один глаз.

Магрибинец оторопело смотрел на него:

– У Аладдина один глаз?

Старичок обиделся насмерть:

– У какого Аладдина? Я тебе целый час твержу про Хусейна, а ты не можешь понять! И откуда берутся такие болваны?

Магрибинец не нашелся что сказать, плюнул и вскочил. Но тут пронзительно заревели трубы...

На площадь выехал глашатай.

– Эй, жители Багдада! Знайте! Великий султан и несравненная царевна Будур почтили базар своим гулянием!..

И на базаре будто кто-то воткнул палку в муравейник – все забегали. Матери утаскивали детей в калитки. Торговцы закрывали лавки.

Глашатай орал:

– ...Ни один взор не должен коснуться божественной красоты царевны Будур! А кто осмелится поднять голову, потеряет ее один раз и навсегда!

Глашатай уехал орать в другое место. А на базарную площадь вступили стражники с копьями и щитами. И кто не успел убежать, упали носами в пыль.

Крошечный старичок схватил магрибинца за ногу.

– Ложись, бестолковый! А то останешься без головы!

Худайдан-ибн-Худайдан лег на землю и прикрыл голову руками.

Ему, однако, удалось увидеть из-под руки, как на базар вышли барабанщики, затем поливальщики и подметальщики, затем слуги с курильницами благовоний, от которых у магрибинца зачесалось в носу, и он чихнул прямо в пыль так громко, что подбежал стражник и замахнулся копьем.

Он увидел и сверкнувшие золотом одежды – это был сам великий султан на коне.

Уткнувшись носом в песок, Худайдан-ибн-Худайдан прошипел:

– Скорей бы шайтан унес султана вместе с его конями и дочерьми!

Как раз в эту секунду позади султана, из-за хвоста его жеребца, показались четыре евнуха: они несли под балдахинном царевну Будур. За нею на расстоянии брошенного копья следовали стражники, прикрыв глаза щитами, словно боялись ослепнуть от красоты царевны.

Царевна и на самом деле была красива. Но чтобы быть более точными, скажем так: царевна Будур была похожа сразу на Нефертити и на стрекозу. Обведя глазами подданных, лежавших в пыли, она вздохнула и сказала голосом, зазвеневшим, будто шарик в бубенчике:

– Как я несчастна!

И магрибинец пробормотал проклятие. Еще бы! Вместо того чтобы убраться, султан остановил шествие:

– Что с тобой, дочь моя?

– Я такая красавица, а на меня никто не смотрит... – сказала царевна. – Я хочу... – Она медленно обвела глазами базар, не зная сама, чего хочет. – Хочу... Хочу...

И ткнула пальцем в какого-то юношу, валявшегося в трех шагах от магрибинца.

– Пусть он на меня посмотрит!

– Но ему отрубят голову! – сказал султан.

– Ну и что? – безмятежно спросила царевна.

Султан слез с коня, подошел к лежащему.

– Эй ты! – и вышитой туфлей перевернул его.

Теперь юноша, зажмурившись, лежал на спине.

– Юноша! Открой глаза! – сказала царевна чарующим голосом.

– Открой, открой, – сказал султан, – и останешься без головы!

– Боишься? – спросила царевна.

Юноша не выдержал, открыл свои широко расставленные глаза. И сел, потрясенный, не в силах оторвать взгляда от царевны.

– Кто ты? – спросила она.

Он молчал, не спуская с нее глаз.

– Ты не научился еще говорить? – улыбнулась царевна.

Юноша прошептал:

– Ты царевна или пери?

– Какие ты знаешь красивые слова... – сказала царевна.

Султан, моргая, смотрел то на того, то на другого.

– Как тебя зовут? – спросила царевна голосом ручья и ветерка.

– Аладдин, сын Али аль-Маруфа...

Услышав это имя, магрибинец чуть не подскочил. Метнув из-под руки на юношу пронзительный взгляд, он вновь уткнулся носом в землю.

А юноша сказал такое, от чего не только султан, даже царевна Будур и та раскрыла рот. Вот что он сказал:

– Я хотел бы, чтобы на тебя в пустыне напал лев и я тебя спас!.. И чтобы весь Багдад загорелся и я тебя вытащил из огня!.. И чтобы – землетрясение! И все провалились! И остались только ты и я!

При этих словах он коснулся руки царевны, Будур ахнула:

– Царевну нельзя брать за руку!

– Но я уже взял...

Вспыхнув, царевна вырвала руку.

Стражники, стоявшие в отдалении, выхватили мечи.

А султан завопил:

– Неслыханная дерзость! Отрубить ему голову!

Стражники бросились на Аладдина. Еще мгновение – и юноша и его голова расстались бы друг с другом.

Но тут магрибинец, приподнявшись на локте, швырнул порошок из второго

мешочка и воскликнул:

– О порошок, отшиби у них память на целых полчаса!

Всех мгновенно окутало облако черного дыма. А когда дым рассеялся, все совершенно забыли про Аладдина – такое свойство было у порошка: забыли на целых полчаса.

Султан сказал:

– Чего мы стоим?

И царевна сказала:

– А правда, чего мы стоим?

Евнухи подняли ее носилки с балдахинном. Султан влез на коня. Шествие двинулось дальше.

Но жители Багдада продолжали лежать. И лежали бы, наверное, еще целых полчаса, если бы не тот крошечный старичок из кофейни. Как вы догадываетесь, у него нельзя было отшибить память, потому что памяти у него просто-напросто не было. Поправив тюрбан, съехавший набок, он сказал:

– Вставайте! Чего вы лежите?

И жители Багдада стали подниматься, отряхивая халаты и бороды.

Только Аладдин стоял как потерянный, глядя вслед царевне.

– А ты чего? – сказал старичок, в недоумении ткнув Аладдина палкой.

И Аладдин сорвался с места и побежал.

За ним как тень последовал чужеземец в магрибской одежде.

* * *

Ну, а теперь отдохнем от приключений и тихо посидим во дворике Аладдина. Это дворик как дворик. На заборе стоит коза, глядя вдаль зелеными глазами. По веткам тутового дерева прыгают воробьи, а на его макушке чистит клюв аист, высывая голову из гнезда.

Под деревом на старой циновке сидели мать Аладдина и сторож Абд аль-Кадир. Рядом с ним лежала колотушка, отдыхая после ночных странствий. Каждое утро Абд аль-Кадир приходил сюда выпить чашку козьего молока, а также дать мудрый житейский совет.

Мать жаловалась на сына:

– ...Вместо того чтобы учиться делу его отца, его деда и прадеда, он читает сказки! Как будто он сын султана!

И всхлипнула, показав сторожу потрепанную книжку с картинками.

Абд аль-Кадир сказал:

– Твой муж, да почтится его память, был моим лучшим другом. Когда Азраил унес его душу, я дал клятву, что не оставлю Аладдина и сделаю его человеком...

Мать зарыдала:

– А он все читает и читает!..

– Его отец тоже умел читать, – сказал Абд аль-Кадир. – Но искусством чтения он овладел, когда ему сделалось сорок два года. А у меня такая большая семья, – гордо добавил старик, – что я до сих пор не знаю букв.

С грохотом распахнулась калитка, и вбежал Аладдин. Он долго не мог отдышаться. А когда смог – сказал:

– Я держал за руку царевну Будур!

Мать посмотрела на Абд аль-Кадира:

– Это что-то новое. Вчера он сказал, что летал на драконе.

– Клянусь! Я держал ее за руку! – сияя, воскликнул Аладдин.

– Что мне с ним делать? – горестно вздохнула мать.

Сторож взял в руки колотушку, опять положил. И сказал:

– Твой отец всю жизнь делал кувшины, а не летал на драконах. И он женился на достойной женщине – твоей матери...

Но Аладдин, как видно, все еще держал за руку царевну Будур.

– Я слышал, что царевнам надо дарить рубины и изумруды...

– Какие рубины и изумруды?! Опомнись! – поразился старик.

И старая Зубейда опять запричитала:

– Нет, он не хочет слушать, когда говорят старшие... Он хочет быть нищим!

– И он будет нищим! – подтвердил Абд аль-Кадир.

И надо же случиться такому – едва он произнес эти слова, как в калитку постучали. И во дворик шагнул человек с подносом на голове и громко спросил:

– Не здесь ли живет избранник счастья и хан удачи Аладдин?

Зубейда прошептала:

– Аладдин... Мой сын...

Посыльный опустил к ногам Аладдина поднос, уставленный яствами. На нем были миндаль, и рахат-лукум, и фисташки, и халва, и всякие диковинные плоды.

– Это посылает тебе твой дядя, – сказал посыльный.

Мать робко сказала:

– У него никогда не было дяди...

Посыльный ничего не ответил и ушел.

Все молчали, глядя с опаскою на поднос.

– Наверно, это стоит сорок дирхемов, – почтительно сказал сторож.

Аладдин протянул руку – взять кусочек халвы. Мать ударила его по руке.

– Никакого дяди у тебя нет и никогда не было! Они перепутали! Сейчас за этим придут, и надо, чтобы все было цело.

Калитка распахнулась опять, и вошли еще двое посыльных. У одного в руках был кальян чеканной работы и дамасская сабля, осыпанная бирюзой, у другого – тюк шелковых материй и связка туфель с загнутыми концами:

– Здесь ли живет Аладдин, сын Али аль-Маруфа?

Старик и мать, потрясенные, молчали. Аладдин весело спросил:

– От дяди?

– От дяди! – сказали посыльные, сложили дары к его ногам и ушли.

– Что это? – жалобно спросила Зубейда у сторожа.

Тот долго думал, переводя озабоченный взгляд с кальяна на саблю, с сабли на козу, и наконец остановил взгляд на Аладдине:

– А может, у него правда есть дядя?

– Никогда не было – твердо сказала мать.

В это время над забором появилась голова верблюда и черный горб. Верблюд загадочно глядел на Аладдина.

Калитка распахнулась, в нее вошел чужеземец в магрибской одежде. На его лице была маска необычайной сладости.

– Где мой брат Али аль-Маруф? – вскричал он и раскрыл объятия, пытаясь в них заключить Абд аль-Кадира.

Старик ошеломленно отпрянул:

– Али умер и погребен три года назад...

Маска сладости на лице магрибинца сменилась маской отчаяния.

– О несчастный мой брат! – И слезы выступили на его глазах. – Сколь горька и жестока моя судьба! Сорок лет у лучших магов Магриба я обучался магии и колдовству...

При этих словах сторож несколько отступил к калитке. А магрибинец продолжал:

– ...Сорок лет я потратил на то, чтобы сделать три волшебных снадобья! Первый порошок – приводящий в движение небосвод. И второй порошок – отшибающий на целых полчаса у людей память. И третий порошок... Но о третьем потом! И все сорок лет я думал только о том, как возвращусь и заключу брата в объятия...

– Я не знала, что у моего Али был брат, – пролепетала мать Аладдина.

Магрибинец горестно вздохнул:

– Это целая история, почему он думал, что я умер, а также о том, почему он меня не вспоминал. Когда-нибудь ее расскажу...

И спросил дрогнувшим голосом:

– Где было любимое место покойного?

– Здесь, – сказала Зубейда, указывая под тутовое дерево.

Магрибинец подошел и поцеловал землю.

Улучив удобный момент, сторож шмыгнул в калитку. А Худайдан-ибн-Худайдан выпрямился. Теперь его лицо сияло добродушием.

– Где мой племянник Аладдин?

И широко раскрыл объятия, заключив в них юношу.

Неизвестно, сколько времени продолжалось бы это трогательное объятие, если бы не коза. Никто не видел, как она разбежалась, но все увидели, что из этого вышло. Она поддала дядю рогами так, что тот повалился на стену вместе с племянником.

– Пошла вон! – сказала Зубейда и привязала козу.

– Ну, а теперь, возлюбленный племянник, – сказал магрибинец, потирая зад, – скажи мне самое сокровенное свое желание, и я его исполню.

– Что его спрашивать, – сказала мать, хлопоча по хозяйству. – Он попросит у вас луну с неба! Только что он собирался сватать, кого бы подумали? Царевну Будур!

Худайдан-ибн-Худайдан внимательно посмотрел на Аладдина и сказал:

– Сегодня в полночь, о возлюбленный племянник, я покажу тебе то, чего не видел никто из живущих. Я и ты – мы оба отправимся в путь, как только солнце

спрячется вот за этот забор. Ты меня слушаешь?

– Слушаю, – сказал Аладдин.

На самом деле он не слушал, а смотрел в свою книжку, где был нарисован дворец.

Худайдан-ибн-Худайдан тоже заглянул в книжку: теперь они оба смотрели на дворец.

Аладдин сказал:

– Я подарю ей вот такой дворец.

– Кому?

– Царевне Будур.

– Я так и думала, – сказала Зубейда, подошла и дала сыну подзатыльник. – Иди за водой, бездельник!

Аладдин со вздохом взял кожаное ведро и скрылся в калитке.

* * *

Один говорит «было», другой говорит «не было», а вы послушайте, что расскажем. Было вот как.

Едва пришла ночь, Худайдан-ибн-Худайдан, как и обещал, привел Аладдина за город, чтобы показать то, чего не видел никто из живущих.

Древние руины спали в лунном свете, кой-где поблескивали осыпающиеся изразцы. Пели цикады, их звоном полно все пространство. Летящие серебристые облака закрывали луну, и тогда все погружалось во мрак. А потом опять заливалось мертвым светом.

Магрибинец начал шептать заклинания. Аладдин с любопытством смотрел на дядю. Оба старались не нарушать безмолвия ночи. Даже черный верблюд был неподвижен, на камнях лежала его длинная изломанная тень.

Неожиданно откуда-то сверху послышались свист и вой. Магрибинец рухнул среди камней, прикрыв голову руками, – Аладдин отступил в тень древней гробницы.

С нарастающим воем приближался огненный смерч, дьявольски крутясь. Он на мгновение замер, и Аладдин увидел ужасное лицо огненного чудовища.

Оно покачивалось, а внутри его туловища медленно извивались прозрачные пламенные части его одежды. Это был дэв – злой дух волшебных сказок.

С пронзительным стоном огненный дэв провалился сквозь землю. И воцарилась мертвая тишина.

Худайдан-ибн-Худайдан осторожно поднял голову, его лицо было искажено страхом. Он прислушался. Руины спали в вековой тишине. Тогда он стал отползать на четвереньках, вздрагивая при каждом шорохе. Потом поднялся и подошел к Аладдину.

– Кто это? – спросил тот.

– Огненный дэв.

– А куда он летает?

– В кратер вулкана... купаться... – шепотом сообщил магрибинец.

И стал бормотать свои заклинания сначала. Аладдин смотрел на дядю. Из третьего и последнего мешочка, что висел на его поясе, Худайдан-ибн-Худайдан высыпал на ладонь порошок. Швырнул порошок на камни.

И мир вздрогнул. Загрохотал гром. Хвост лилового дыма взлетел к облакам. От страха Аладдин закрыл лицо руками. Только верблюд оставался бесстрашен.

Земля затряслась и разверзлась. И перед глазами Аладдина открылась бездонная пещера. Ее ступеньки терялись во мраке. Аладдин заглянул в бездну и отшатнулся.

– Боишься? – усмехнулся магрибинец.

– Немножко... – сказал Аладдин.

Худайдан-ибн-Худайдан отстегнул меч и протянул Аладдину. Тот заткнул меч за пояс.

– Слушай и запомни, – сказал магрибинец. – Ты спустишься в эту пещеру. Там, под землей, ты увидишь волшебный сад. На деревьях растут рубины, сапфиры и изумруды. Повтори!

– Рубины, сапфиры и изумруды...

– Возьмешь их, сколько можешь унести. Это все для тебя!

– А что принести тебе, дядя?

– Мне ничего не надо. Мне нужна только старая медная лампа... Повтори!

– Старая медная лампа.

– Вот-вот... – Худайдан-ибн-Худайдан помолчал и добавил: – От нее зависит моя жизнь. И твоя!

Аладдин вздрогнул и посмотрел на магрибинца. Вместо доброго дяди перед ним был страшный человек с лицом, искаженным дьявольской злобой.

– Иди! – сказал Худайдан-ибн-Худайдан, и на его лицо вернулась доброта. – И да будет с тобою аллах!

Аладдин заглянул в пещеру еще раз. Бросил в нее камень: слышно было, как камень катился все дальше и наконец, замолк где-то в глубине.

В последний раз Аладдин посмотрел на летящую луну, на руины и камни, на серебряные облака. Он услышал далекий вопль сторожа о том, что в Багдаде все спокойно. Поколебался и, решившись, шагнул в темноту.

Едва дыша, вглядываясь во мрак и придерживаясь за стены, спускался Аладдин по скользким, выщербленным ступеням, но поскользнулся, потерял равновесие и покатился вниз.

Кубарем влетел он в пещеру, залитую призрачным светом. И встал, потирая колено.

Начал осматриваться. В пещере не было ничего. Стояла очень странная тишина, как будто он приложил ухо к раковине.

Вдруг совсем рядом раздался смешок.

– Кто тут? – затаив дыхание спросил Аладдин.

Никто не ответил.

Аладдин постоял. И только хотел шагнуть, как кто-то чихнул. Эхо повторило этот звук тысячу раз. Аладдин сказал неуверенно:

– Кто чихнул? Выходи!

Никого.

Аладдин постоял еще. Увидел в конце пещеры проход. И – будь что будет! – двинулся по нему.

И сразу же вокруг раздались визги, скрежет, вой, трепет невидимых крыльев, нечеловеческий хохот. Но Аладдин упрямо шел вперед.

Он вступил во вторую пещеру – такую же пустую, залитую ртутным светом. И все мгновенно умолкло.

А голос такой низкий, какого не бывает на свете, спросил:

– Зачем ты пришел?

– За лампой.

В ответ в пещере зашелестел хор шепотов:

– Удивительно!.. Необыкновенно!.. Неслыханно!.. Он сказал правду!.. Невиданно!.. Невероятно!..

– Что ж тут невероятного? – сказал Аладдин. – Мне нужна лампа, и я про это сказал.

Шепоты продолжали:

– Сказал правду... А другие не говорили!.. Другие хитрили!.. Другие лгали!.. Что делать?.. Что делать?..

И низкий голос – тот самый, ниже которого нет, – сказал:

– Думайте!

И опять наступила тишина. Аладдин ждал.

– Эй! – сказал он, потеряв терпение. – Где вы там? Куда вы все подевались?

Низкий голос сказал:

– Молчи! Не мешай им думать!

Делать нечего. Аладдин уселся на камень и стал ждать. Наконец, низкий голос спросил:

– Ну?

Кто-то прошептал:

– Придется открыть ему тайну, другого выхода нет.

И снова вокруг зашелестело:

– Придется открыть тайну... Ничего не поделаешь... Придется открыть...

Низкий голос сказал Аладдину:

– Если бы ты солгал – ты бы не узнал ничего. Но раз ты сказал правду, знай: лампу охраняет огненный дэв. Берегись его, и еще раз берегись! И да будет известно тебе: огонек лампы – это не просто огонек, а сердце дэва. Он нацепил свое сердце на фитилек. Теперь ты знаешь все.

– А где лампа? – спросил Аладдин.

– Покажите ему дорогу! – сказал низкий голос.

И Аладдин пошел вслед за шепотами:

– Сюда... Сюда... Сюда...

По каменным стенам заскользили золотые нити, будто отсветы далекого пламени. Чем дальше шел Аладдин, тем громче раздавались нечеловеческое шипение, стоны и хрипы, тем ярче блестели золотые нити.

Наконец Аладдин вошел в подземный сад, восхищающий взоры, и остановился.

* * *

На причудливых деревьях висели синие, красные, зеленые плоды – это были сапфиры, рубины и изумруды. Они покачивались на ветвях от чьего-то хриплого дыхания.

Аладдин повернулся и встретился глазами с глазами огненного дэва. Чудовище лежало в глубине пещеры. От его дыхания в водоеме вздрагивала вода. Внезапно из груди дэва вырвался жалобный стон.

– Что с тобой? – спросил Аладдин.

– Умираю... – простонало чудовище.

Аладдин с состраданием посмотрел на него.

– Что я могу для тебя сделать?

– Будь проклят повелитель вулканов... – прохрипел дэв. – Он погасил два вулкана, никого не предупредив. Я летал в красный вулкан – не горит. В желтый – не горит. Остался еще лиловый вулкан... Но мне не долететь туда... Не хватит огня...

Дэв съежился, последние языки пламени пробежали по нему, и он стал чернеть.

Аладдин подумал и бросился назад по проходу...

Быстро полез по выщербленным ступеням...

И выскочил на поверхность земли.

Звенели цикады. Летели серебристые облака. Среди руин, облитых лунным сиянием, подбегал к нему Худайдан-ибн-Худайдан.

Аладдин стал стремительно собирать хворост.

– Что ты делаешь? – удивился дядя. – Ты хочешь его выкурить дымом?

– Нет! Я хочу ему помочь, – самоотверженно сказал Аладдин.

И прежде чем магрибинец успел что-нибудь сказать, скрылся с хворостом во мраке пещеры.

Худайдан-ибн-Худайдан, пораженный, стоял, вглядываясь в пещеру, пока не умолкли звуки шагов Аладдина.

А огненный дэв в своем волшебном саду умирал. Черные пятна на нем делались все крупней.

Вбежал Аладдин и швырнул на дэва ветку сухого хвороста. Пламя затрещало, зазмеилось. Дэв облегченно вздохнул и стал разгораться.

– Еще!.. – прохрипел он.

Аладдин бросал ветки хвороста одна за другой.

– Еще!.. Еще!..

С каждой вспышкой огня дэв разгорался все больше, пока не коснулся головой потолка пещеры.

– Ну, а теперь я могу тебя съесть, – сказал он.

– Меня?! – в изумлении спросил Аладдин.

– А как же! Кто сюда приходит, того надо есть.

– Но ведь я тебя спас!

– Тоже верно! – Дэв задумался. – Вот что! – сказал он. – Я сосчитаю до

десяти – так и быть, подарю тебе десять мгновений. А тогда уже съем.

– До двадцати! – сказал Аладдин.

Дэв кивнул и начал считать.

– Раз... два...

Аладдин обвел глазами пещеру. На диковинных деревьях от голоса дэва подпрыгивали драгоценные камни. И в каждой грани сапфиров, изумрудов, рубинов миниатюрным огнем – синим, зеленым, красным – отражалась пламенная одежда дэва. Это было похоже на фейерверк.

Дэв продолжал считать:

– Десять... одиннадцать... двенадцать...

И тут Аладдин увидел то, за чем его послал дядя. Над водоемом, под самым сводом пещеры, на огромной высоте висела медная лампа. В ней ровным светом горел язычок огня, похожий на сердце.

Но дэв уже сказал:

– Двадцать!

И повернулся к Аладдину есть его.

Аладдин выхватил меч.

Усмехнувшись, дэв прикоснулся к острию его меча своим огненным рукавом. Меч сразу раскалился, стал красным. Аладдин выронил его и отскочил, дую на обожженную руку.

А дэв захохотал так, что камешки стали осыпаться со сводов. И сказал голосом, напоминающим вой в трубе:

– Ну, а теперь готовься к смерти! Выбирай одну из трех! Эту?

Дунул пламенем на дерево с сапфирами. Оно вспыхнуло и так, огненное, и осталось стоять.

– Или эту?

Дохнул на дерево с изумрудами. Оно тоже превратилось в огненное, но тут же обуглилось.

– Или эту? – спросил дэв, понатужился и дунул на дерево с рубинами.

Дерево стало огненным, потом почернело и наконец улетело дымом.

– Выбирай свою смерть! – повторил дэв.

– Надо подумать, – хладнокровно сказал Аладдин. – Каждая из этих смертей имеет свои достоинства.

Он задумчиво поглядел на дэва, перевел взгляд вверх на лампу, где горел огонек, затем поднял свой меч, который уже почернел и остыл.

Дэв смотрел на Аладдина, в его глазах танцевали искры.

– Можно мне погадать, какую смерть выбрать?

– Можно, – презрительно прохрипел дэв.

Аладдин взял меч в руки, сделал им несколько замысловатых движений. И вдруг с силой швырнул вверх.

Со свистом меч взлетел под самый свод пещеры и (мы должны похвалить Аладдина за меткость) сшиб лампу. Лампа полетела вниз и шлепнулась прямо в водоем.

И тогда произошло то, чего поистине не видел никто из живущих. Огонек

лампы, попав в воду, вспыхнул ярчайшим светом и зашипел. Не забывайте – ведь это был не огонек, а сердце дэва. Вода в мраморном водоеме сразу превратилась в расплавленную ртуть. Потом вскипела и взлетела вверх клубящимся облаком пара, все погасив.

В то же мгновение дэв с пронзительным воем начал рассыпаться, с него падали во все стороны языки пламени. Они тут же гасли и разлетались хлопьями пепла. Что было дальше, Аладдин не видал, так как облако пара все от него заслонило.

А когда туман рассеялся, Аладдин обнаружил на месте огненного дэва лишь груды черного пепла. По стенам и сводам пещеры сочилась вода. Деревья волшебного сада были мокры, будто только что прошел дождь. Влажные рубины, сапфиры и изумруды излучали рассеянный свет. И при этом свете Аладдин различил водоем.

Он подошел к его краю. Водоем был пуст. А на мраморном дне лежали лампа и меч.

Аладдин спрыгнул в водоем и сел на корточки на почтительном расстоянии от лампы. Неужели та самая лампа? Вокруг никого. Он и лампа. Обыкновенная старая лампа.

– Хм... – сказал Аладдин.

Вложив меч в ножны, он взял лампу, вылез из водоема. И, позабыв про рубины и изумруды, зашагал к выходу.

Проходя через пещеру, где недавно с ним разговаривал низкий голос, Аладдин сказал наугад:

– Спасибо.

Никто не ответил.

Тогда Аладдин пошел дальше. И стал на ощупь подниматься по выщербленным ступеням, пока не увидел впереди слабый отблеск луны.

* * *

Магрибинец устал ждать. Он ходил у входа в пещеру туда и сюда, и за ним двигалась его тень в лунном свете. Невдалеке на древней гробнице тускло светились изразцы. В стороне неподвижно стоял черный верблюд.

Но вот Худайдан-ибн-Худайдан увидел Аладдина, вылезавшего из пещеры: в его руках была лампа. Выражение злобы вмиг сменилось на лице магрибинца маской необыкновенной доброты.

Сияя, Аладдин протянул ему лампу. Магрибинец дрожащими руками схватил ее, стал рассматривать.

Аладдин спросил:

– Та самая?

Магрибинец не ответил. Он взял из рук Аладдина свой меч, положил лампу на камень, вынул меч из ножен. И занес – да, да, занес! – меч над головой своего племянника.

– Что ты делаешь, дядя? – воскликнул Аладдин.

– Дядя?! – захохотал магрибинец и с силой опустил меч.

Аладдин увернулся, но потерял равновесие и провалился обратно в пещеру.

А меч угодил в лампу. Она со звоном подпрыгнула и исчезла вслед за Аладдином.

Магрибинец испустил самое длинное из своих проклятий. Однако тут же бросился к пещере и закричал:

– Куда ты? Возлюбленный племянник! Куда?! Я пошутил! Скорей вылезай!..

Из пещеры не доносилось ни звука.

Потрясенный Аладдин сидел в полутьме на выщербленных ступенях. Рядом валялась лампа. Сверху слышался голос:

– Аладдин!.. Аладдинчик!..

Аладдин не двигался и размышлял.

Потом он взял в руки лампу и увидел какие-то арабские буквы, покрытые налетом нагара. Чтобы разглядеть их, он стал полой халата осторожно тереть край лампы.

И вдруг – о чудо! – из лампы взлетели белые струи. Они мчались кверху, расширяясь, пока не приняли очертания джина. От неожиданности Аладдин повалился на спину. И высоко над собою увидел огромную добродушную голову джина. Посреди его лба торчал рог.

– Слушаю и повинуюсь! – сказал джин.

– Кто ты? – спросил Аладдин, когда к нему вернулись слова.

– Я раб этой лампы! Приказывай!

– Ты джин?

– Да-а.

– Ах, джин, – обрадовался Аладдин, сразу все поняв. – Слушай, джин.

Почему дядя хотел меня убить?

– Он не дядя, – сказал джин. – Он злой магрибский колдун.

– Колдун?!

Аладдин не мог прийти в себя от изумления.

– Да! Мы, джины, его знаем. Знаем целых восемьсот лет... Приказывай!

– Что?

– Ну как что! – удивился джин. – Удавить его? Утопить? Стереть в порошок?

– Нет, нет, что ты? Зачем? Пусть отправляется обратно в Магриб.

– Слушаю и повинуюсь! – сказал джин и исчез.

* * *

В этот полуночный час в Багдаде на вершине недостроенного минарета работали два старых мастера. Как всегда, эти мастера клали кирпичи и изразцы ночью, при звездах, чтобы люди своими пустыми криками не мешали им работать. Смазывая жидкой глиной кирпичи и разглаживая ее лопатками, они прилепляли изразцы и беседовали об Аладдине и его дяде, о котором целый день

болтал базар и которого они даже встретили вечером, когда тот с племянником направлялись за город.

– Ты думаешь, богатый дядя – это хорошо? – сказал мастер Абу-Яхья, лоб которого был туго повязан платком, а под ним шевелились седые мохнатые брови. – Богатый дядя – плохо.

– Почему? – спросил Абу-Наиб, борода которого была покрашена хной.

– То, что дается даром, потом обходится дорого, – сказал первый, подняв голову, и его брови замерли от изумления.

Рыжая борода второго тоже торчком устоялась в небо.

Над ними, среди звезд, мчался на черном верблюде дядя Аладдина. Мало того – его верблюды летели хвостом вперед.

Мастер Абу-Яхья помедлил и сказал:

– Я живу шестьдесят лет, но первый раз вижу дядю, который летел бы на верблюде и к тому же хвостом вперед...

В этот же самый час, проходя по спящему городу, Абд аль-Кадир ударил в колотушку и завопил:

– Спице, жители Багдада! Все спо...

Но, увидев в небе верблюда и на нем дядю Аладдина, осекся, всхлипнул, закрыл рукою глаза. А когда отодвинул ладонь и решился взглянуть на небо, там уже никого не было – только сияла луна да слабо мерцали звезды.

И сторож закричал, правда уж без прежней уверенности:

– ...Все спокойно!

Мы сразу же должны вам рассказать (а то потом будет некогда), что случилось дальше с Худайданом-ибн-Худайданом: куда он делся и отказался ли от того, чтобы при помощи лампы стать повелителем мира?

С ним было вот так. В далеком Магрибе, куда отправил его Аладдин, в доме этого колдуна пировали слуги, нисколько не помышляя о возвращении своего хозяина. Развалясь на шелковых подушках, они ели, пили и что-то во всю глотку кричали на своем тарабарском языке.

Вдруг среди вин и яств появился верблюд: он стоял с невозмутимым видом прямо на столе, а на верблюде сидел хозяин.

В горле у слуг застряли куски и кости, с воплями они попадали на ковры. Только один сказал находчиво:

– Со счастливым возвращением, господин!

И низко поклонился, подхватив обеими руками живот.

Худайдан-ибн-Худайдан посмотрел на него и разразился такими проклятиями, что слуги покатались в разные стороны.

А магрибский колдун стащил своего верблюда со стола.

Схватил одну из медных ламп, горевших в углу, погасил, вылил масло, сунул ее себе за пазуху, вывел верблюда за дверь и шепнул ему на ухо: «Скорей обратно в Багдад!» – вскочил на верблюда и скрылся в темноте.

Слуги, выпучив глаза, смотрели вслед.

Ну, а теперь, когда вам известно, что случилось с магрибинцем и его верблюдом, на время оставим их – путь до Багдада далек – и вернемся к

Аладдину.

* * *

Дворик Аладдина покоился в лунном свете. Спал аист в своем гнезде на макушке тутового дерева. Спала коза, подогнув колени, в углу. Появились две тени.

– Тшш... – сказал Аладдин джину.

Держа лампу под мышкой, он на цыпочках прошел мимо сарайчика, на крыше которого мирно спала его мать. Та пошевелилась и сонно спросила:

– Это ты?

– Да, да, спи!

И Зубейда повернулась на другой бок.

Взглянув на джина, Аладдин прошептал:

– Если рассказать про тебя, никто не поверит...

Он вошел в комнатку, а джин пролез в дверь на четвереньках. Аладдин озабоченно на него посмотрел.

– Где тебя уложить спать, такого большого?

– Не тревожься, – сказал джин. – У меня своя кровать.

Он показал на лампу.

– Понадоблюсь – потри лампу! – И исчез в ней.

Аладдин покрутил головой, улыбнулся, лег на циновку и мгновенно заснул.

Он проснулся, когда первый луч солнца упал в гнездо аиста над их двориком. И сквозь раскрытую дверь дома услышал, как за забором прогремела колотушка, потом Абд аль-Кадир крикнул в последний раз за сегодняшнюю ночь: «В Багдаде все спокойно!..» – и, постучав, вошел в калитку. Коза вскочила и сказала «ме».

– Да будет с тобой милость аллаха! – сказал Абд аль-Кадир матери Аладдина, еще спавшей на крыше сарайчика. – Вставай! Пора печь пирожки!

Зубейда поднялась и, зевая, взглянула на небо.

– Аллах подарил нам хороший день...

Она спустилась с крыши. Из домика выглянуло веселое лицо Аладдина и спряталось. Усевшись во дворике, Абд аль-Кадир сказал мечтательно:

– Сейчас бы палочку шашлыка...

Не успел он договорить, как в его руках появилась палочка дымящегося шашлыка.

Зубейда и Абд аль-Кадир поглядели на шашлык, потом друг на друга, потом опять на шашлык.

– Я не знала, что ты такой шутник, – сказала мать.

– Это ты шутница, – сказал сторож и начал зубами стаскивать шашлык с палочки.

Зубейда хотела что-то сказать и замерла.

– Кто разжег печь? – спросила она.

В обмазанном глиной таннуре виднелись красные отсветы огня. Подбежав, она заглянула внутрь печи и увидела прилепленные изнутри пирожки: они

подрумянились и были совсем готовы.

– Я не знала, что ты умеешь делать пирожки, – весело сказала Зубейда.

Абд аль-Кадир перестал жевать и заметил обидчиво:

– Я прожил восемьдесят пять лет и ни разу в жизни не делал пирожков.

Схватив поднос, Зубейда поставила его перед таннуром. Отвернулась – взять щипцы, чтобы вытащить пирожки; и когда опять повернулась к печи – обомлела.

Пирожков не было. Зубейда заглянула внутрь таннура. Пирожков там на самом деле не было. И что еще удивительней, подноса у ее ног тоже не было.

Она подозрительно посмотрела на козу. Из дома раздался тихий смех. Растерянно она пошла в дом.

И на пороге остановилась как вкопанная.

Ее поднос каким-то образом попал на низенький столик, на подносе была гора пирожков. А за столиком мирно сидели Аладдин и джин с рогом на лбу, который пригнул голову, так как едва умещался под потолком.

Зубейда ошеломленно пискнула. Абд аль-Кадир, не переставая жевать, поднялся и подошел. Из-за спины Зубейды он заглянул в комнату – и окаменел.

Аладдин говорил джину:

– Возьми пирожок.

– Благодарю, – сказал джин. – Джины не едят пирожки.

– А что едят джины?

– Ничего не едят, – сказал джин.

Аладдин сделал вид, что сейчас только заметил мать и Абд аль-Кадира.

– Познакомьтесь! Это мой друг джин!

Джин приложил руку ко лбу и к сердцу. Абд аль-Кадир попятился. А Зубейда, стараясь не замечать джина, долго смотрела на Аладдина, открывала рот, желая что-то сказать, и закрывала рот. И наконец нашлась.

– Где дядя? – спросила она строго.

– Он не дядя! Он обманщик! – безмятежно сказал Аладдин, запихивая в рот пирожок.

– Ты начитался книг и сам не знаешь, что болтаешь! – сказала мать. – Что только с тобой будет! Пробежал целую ночь, удрал от дяди, подобрал какую-то пакость в куче мусора... – И пнула ногой валявшуюся лампу.

Аладдин улыбнулся, вспомнив кучу мусора, в которой он подобрал эту лампу.

– А теперь тебе смешно! – сказала Зубейда.

Они помолчали. Джин понял, что он лишний.

– Ну, я побуду в лампе, – сказал он и исчез.

Вытянув шею, Абд аль-Кадир со страхом проводил джина взглядом и шмыгнул в калитку.

Но мать Аладдина не потеряла присутствия духа.

– Я всегда говорила, – сказала она дрожащим голосом, – что сказки не доведут тебя до добра!

Повернулась и гордо пошла вон со двора. Однако, очутившись на улице, она

в изнеможении села на землю и прислонилась к забору.

Крадучись, к ней подошел Абд аль-Кадир.

– Запомни, – прошептал он, косясь на калитку, – я ничего не видел. И я скажу тебе больше – ты тоже ничего не видела. Мы оба ничего не видели...

Он многозначительно поднял палец:

– Знаешь, почему я дожил до восьмидесяти пяти лет? Потому что всю жизнь говорил: «В Багдаде все спокойно...»

* * *

Оставшись один в комнате, Аладдин сейчас же вызвал джина из лампы.

– Видишь ли, почтенный джин, – сказал Аладдин. – Вчера я держал за руку царевну Будур, и она не выходит из моей головы.

Джин почесал свой рог и сказал:

– Хочешь, ее сейчас принесу?

И сделал движение лететь.

– Что ты, что ты! Зачем?.. – испугался Аладдин. – Я даже не знаю, хочет ли она видеть меня!

Джин сказал:

– Тысячу раз я был в разных руках, и никто никогда не спрашивал, хочет она видеть или не хочет.

– Ты был в руках у плохих людей, – сказал Аладдин и задумался.

Джин вежливо ждал приказаний. Аладдин спросил:

– Скажи, думает ли она сейчас обо мне?

– Я могу устроить землетрясение, могу перенести город на дно моря и перевернуть базар вверх ногами, – сказал джин. – Но узнать, кто что думает, не в моих силах.

– Тогда вот что...

Аладдин поманил джина пальцем. Тот подставил свое огромное ухо. Аладдин что-то ему шепнул. Подобие улыбки пронеслось по лицу джина. И он исчез.

* * *

Это было во дворце, в покоях царевны Будур, где узкие окна были прорезаны так высоко, что солнечный свет никогда не достигал пола, где солнце лежало на стене решеткой лучей и теней, а внизу, на коврах и атласных подушках, всегда дарил полумрак.

Дворцовый Наимудрейший в огромной чалме сидел на коврикe и бубнил сидящей перед ним царевне:

– Чтобы дожить до ста лет, изучай добродетель. Ибо основа всякого блага – в обуздании души, и смирении, и набожности, и невинности, и стыдливости...

Царевна таращила глаза, с трудом раздирая их пальцами. Наимудрейший продолжал бубнить:

– ...Каждому следует знать, когда нужна стыдливость, а когда бесстыдство,

ибо сказано: предпосылка блага – стыд, и предпосылка зла – тоже стыд.

Засыпая, царевна увидела в тумане двух Наимудрейших вместо одного и слышала только: «Бу-бу-бу-бу...»

– Ты слушаешь? – спросил Наимудрейший.

– Да, – сказала царевна и исчезла.

Наимудрейший разинул рот, потом прикрыл глаза ладонью, открыл опять.

Царевны не было. Тогда Наимудрейший не своим голосом заорал:

– Стража!..

* * *

В это самое время Зубейда у себя во дворике доила козу. Она повернулась, чтобы отставить сосуд, и чуть не упала от неожиданности.

Перед ней стояла царевна Будур, не понимая, где она.

Некоторое время женщины молчали.

– Ты кто? – спросила Зубейда.

– Как кто? Царевна Будур.

– Этого еще не хватало! – сказала Зубейда.

Аладдин веселился в комнатке, выглядывая во дворик и предвкушая, что сейчас будет.

– Кто там смеется? – рассердилась царевна. – И откуда вы все взялись?!

– Это один бездельник начитался глупых книг. Ему нечего делать... – сказала Зубейда. – Иди сюда, бездельник!

Аладдин вышел из домика. Царевна удивилась:

– Это ты?

– Я, – сказал Аладдин.

Царевна недоверчиво сказала:

– Ну-ка, возьми меня за руку...

Аладдин улыбнулся.

– Царевну нельзя брать за руку.

– Да, теперь я вижу, что это ты, – засмеялась царевна.

И задумалась:

– Как странно... Я сидела во дворце и слушала слова Наимудрейшего. И мне так хотелось убежать, что я, наверно, сама не заметила, как убежала... Что это? – вдруг спросила она, увидев кожаное ведро.

– Ведро, – сказала Зубейда.

– А это?

– Печь.

– Печь? – с недоумением повторила царевна.

– Ну знаешь, где жарят и пекут... Поняла?

– Нет, – чистосердечно сказала царевна. – А это что за невиданное чудовище?!

– Это не чудовище, это коза, – обиделась Зубейда.

– Та самая, из которой сыр?

– Сколько тебе лет? – спросила Зубейда царевну.
– Шестнадцать.
– Когда мне было три года, я уже знала, что такое коза, – проворчала Зубейда и увела козу за сарайчик.

* * *

А в Багдаде уже искали царевну Будур.

Абд аль-Кадир и крошечный старичок сидели в базарной кофейне, перед ними дымились две чашечки кофе. Вдруг все кругом забегали, раздались крики. Сторож выглянул.

Стражники срывали копиями с лавок циновки и занавески. Летели, разворачиваясь, шелка. Опрокидывались и падали кувшины. Торговцы вопили, хватая стражников за полы.

– Кого-то ищут... – сказал Абд аль-Кадир крошечному старичку.

– Наверно, в наш город вернулся Багдадский вор, – догадался тот.

Стражники ворвались в кофейню. Полетели столики. Стариков опрокинули. Перевернули сосуд с жевательным табаком. В кофейне взлетело зеленое облако.

Когда оно рассеялось, Абд аль-Кадир поднялся, весь зеленый от табака, чихнул и пробормотал, покачав с сомнением головой:

– Чтобы из-за одного Багдадского вора стали переворачивать базар? Нет, тут не одного ищут, а целых сорок!

– Тогда, наверно, ищут Али-Бабу и сорок разбойников, – сообразил старичок.

Стражники вбежали обратно в кофейню. На этот раз они взялись за подушки: полетели пух и перья... И опять опрокинули стариков.

– Где царевна?! – орали они, потрясая копиями.

Когда они скрылись, Абд аль-Кадир встал, как курица, облепленная пухом, и таинственно сказа старичку:

– Главное – помнить, что в Багдаде все спокойно...

* * *

Если бы царевна Будур знала, что из-за нее творится такое! Она сейчас же побежала бы на базар, чтобы самой все посмотреть. Но она ничего не знала и расхаживала по дворику Аладдина.

– Ну, мне пора... – сказала она наконец.

– Подожди... – сказал Аладдин. – Я хотел еще тебе сказать... – но не решился сказать то, что хотел, и умолк.

Царевна весело рассмеялась. Аладдин вспыхнул.

– Чего ты смеешься?

– Я знаю, что ты хочешь сказать... Это мне говорили семнадцать принцев, и я всем отказала... Бедненькие, бедненькие...

Аладдин помолчал. Потом грустно спросил:

– Значит, «нет»?

– Почему «нет»? – сказала царица. – Попробуй, пойдй к моему отцу, посватай меня.

– И ты скажешь «да»?! – подпрыгнул от радости Аладдин.

– Как будто я сама знаю, что я скажу. Что придет в голову, то и скажу!

– Царица зде-есь!.. – раздался торжествующий вопль.

На заборе сидел стражник и отчаянными жестами звал других.

Не успели Аладдин и царица опомниться, как во дворик ворвались стражники.

Первым вбежал Мубарак – сын везира. У него была очень маленькая голова, а на шапочке качалось павлинье перо.

– Вяжите его! – сказал Мубарак, вцепившись в Аладдина.

Стражники набросились на Аладдина и связали.

Из-за сарайчика выбежала Зубейда.

– Что вы делаете?!

Мубарак вгляделся в связанного Аладдина.

– Это опять ты?! Ну, на этот раз не уйдешь!..

Царица топнула ногой.

– Сейчас же отпустите его! Слышите?!

Но стражники уже уволокли Аладдина.

А царицу Мубарак вежливо взял под локоть.

– Да простит меня царица Будур... – И увел со двора.

На пороге стояла потрясенная мать.

Стражники шарили по всему дому, они хватали все, что можно утащить. Чья-то подошва прошла по книжке Аладдина, отпечатав на картинке дворца грязный след.

Зубейда смотрела, как стражники растаскивали подарки Худайдана-ибн-Худайдана: кальян, и саблю, и шелковые халаты. Они растащили и всю ее посуду. И все, что она напекла и нажарила.

Только старую медную лампу, валявшуюся на земле, какой-то стражник отшвырнул ногой. И лампа откатилась к козе.

Стражники умчались. Мать выбежала из калитки и остановилась, отчаянным взглядом провожая сына.

А во двореке лишь ветер шевелил страницы книжки Аладдина. Да аист, щелкая клювом, тревожно летал над разоренным домом.

* * *

В тронном зале, где на стенах были развешаны щиты и кривые сабли, на троне восседал великий султан. Рядом с ним безмолвно стоял везирь Бу-Али Симджур. Все лицо его было в морщинах, и каждая морщина говорила о хитрости и коварстве.

Султан поманил пальцем начальника стражи Умара Убейда и, когда тот приблизился, спросил:

– Я что-то не могу вспомнить, ты отрубил голову тому оборванцу на базаре?

– Нет, о великий султан, – сказал Умар Убейд, чувствуя, что его собственная голова закачалась на плечах.

– Не отрубил?! – вскричал султан. – Почему?

Умар Убейд показал дрожащим пальцем на главного конюшего:

– Это все Мустафа! Он дернул твоего коня за узду, и мы пошли.

Султан обратил неблагоклонный взор на главного конюшего.

– О великий султан, – сказал Мустафа, скосив глаза на везиря. – Пусть уважаемый Бу-Али Симджур вспомнит... Он занимает первое место в государстве... Пусть вспомнит и скажет: почему я дернул узду!

И победоносно поглядел на везиря.

Тот не успел открыть рта, как вошел Мубарак. По синему полю его камзола были разбросаны цветы, вышитые золотом и серебром, и на шапочке качалось павлинье перо. Он что-то шепнул на ухо своему отцу – везирию.

И Бу-Али Симджур поклонился султану.

– О царь годов и времен, единственный в веках и столетиях! Твоя дочь найдена и доставлена во дворец!

– Наконец-то! – обрадовался султан.

По знаку везиря двое стражников втащили под руки Аладдина и бросили перед тронном. Везирь сказал:

– А вот и тот оборванец, который дважды осмелился увидеть царевну.

– О султан! – воскликнул Аладдин, вставая. – Поистине удача, что мы с тобой встретились...

Стражники подхватили Аладдина под руки и снова швырнули животом на пол. Аладдин вскочил и сказал:

– ...Я прошу отдать мне в жены царевну Будур!

Среди придворных воцарилось гробовое молчание. Стражники сызнава бросили Аладдина на пол, но теперь крепко держали его, не отпуская.

Султан спросил везиря:

– Что он сказал?

– Мой язык отказывается повторить... – Везирь заикался.

Между тем прижатый стражниками к полу Аладдин поднял голову и сказал султану доверительно:

– Видишь ли, я и твоя дочь нравимся друг другу. Но царевна не пойдет за меня без твоего разрешения...

Султан окончательно лишился слов. Придворные стояли с таким видом, будто им сейчас отрубят головы вместе с Аладдином.

Всех выручил везирь. Он что-то сказал на ухо султану. Мы услышали лишь последние слова: «...султан позабавится». И увидели, как султан хмуро кивнул.

А Бу-Али Симджур выступил вперед и громко, чтобы все слышали, обратился к Аладдину:

– Великий султан спрашивает: известно ли тебе, юноша, что семнадцать принцев приезжали свататься к царевне Будур?

– Да, она мне это говорила, – сказал Аладдин.

Султан гневно подскочил на троне. Везирь лисьим голосом продолжал:

– Что ж... Своим сватовством ты оказываешь честь великому султану. Но

где намерен ты поместить царевну?

– В нашем доме. Там есть все, что нужно, – простодушно сказал Аладдин. – Моя мать даже держит козу.

Придворные засмеялись. Улыбка коснулась и чела султана – развлечение начало ему нравиться.

– Опомнись! Что ты говоришь?! – воскликнул везирь. – Царевна должна жить во дворце!

– Да?..

Аладдин задумался, потом просиял.

– Тогда знаешь что... – обратился он к султану. – Еще интересней: я и твоя дочь будем ходить в гости друг к другу!

Султан улыбнулся. Захохотали придворные. Везирь продолжал:

– А известно ли тебе, юноша, что, прежде чем свататься, надлежит поднести султану подарки?

– Ты говоришь о рубинах и изумрудах?

– Именно, именно! – сказал везирь, стараясь не рассмеяться.

– Верно, это я совсем упустил из виду, – сказал Аладдин. – Сейчас вернусь домой, и подарки доставят!

Переглянувшись с везирем, султан сделал стражникам знак отпустить Аладдина. И когда юноша встал на ноги, поманил его пальцем.

– У тебя дома что – зарыт клад?

– Нет, клада нет, – сказал Аладдин. – Просто у меня есть один знакомый джин.

– Джин? – засмеялся султан.

– Джин, – сказал Аладдин, улыбаясь во весь рот.

Придворные опять захохотали.

– Ах, джин! – сказал султан.

– А чем ты докажешь? – спросил везирь, подмигнув султану.

– Я даю слово, – гордо сказал Аладдин. – Разве этого недостаточно?

– Вполне достаточно, – подтвердил султан. – В темницу его!

Стражники подхватили под руки ошеломленного Аладдина.

А султан обернулся к Умару Убейду:

– И завтра на заре отрубить ему голову!

Стражники потащили Аладдина к дверям. Султан жестом остановил их и сказал на прощанье Аладдину:

– Ты думаешь, головы рубить – это удовольствие? Надо, милый, надо! Вот он подтвердит!

Умар Убейд кивнул. Стражники во главе с Мубараком уволокли Аладдина. И швырнули его в темницу – глубокий тюремный колодец, куда сажают приговоренных к смерти, чтобы не могли убежать.

* * *

Теперь, когда вы знаете, что случилось с Аладдином, послушайте про

царевну. Она под белым покрывалом вошла в тронный зал. Ее вел Наимудрейший.

– Дочь наша, – сказал султан, – мы разгневаны!

– Это я разгневана! – сказала царевна.

– Ты отказала всем принцам! И принцев уже не осталось!

– И не надо! – сказала она.

– И все для того, чтобы попасть в лачугу какого-то оборванца!

Царевна топнула ногой.

– Не называй его плохим словом!

Султан обвел глазами придворных, как бы призывая в свидетели.

– А как мы должны его называть?

– Аладдин, – сказала царевна.

– Аладдин? Тьфу! Мы еще станем называть по именам всех бездельников и нищих!

– Молчать! – крикнула царевна.

– Кому молчать? Нам? – тихим голосом спросил султан.

– Сейчас же его отпусти! – сказала царевна. – И попроси у него прощения!

Султан подпрыгнул на троне и крикнул:

– Это последнее, что ты сказала! Клянемся: сегодня же мы отдадим тебя замуж за первого встречного!

– Только попрыгай! – сказала царевна, снова топнув ногой.

– А, так?!

Султан тоже топнул ногой. И повернулся к придворным.

– Запомните и запишите! Мы отдаем дочь и полцарства за... за... за... – он захлебнулся от ярости, – за того, кто первым войдет в эту дверь!

Воцарилась тишина. Все смотрели на дверь. Придворные, и везирь, и царевна.

И султан тоже смотрел остолбенело на дверь.

Дверь открылась. Вошел Мубарак, покачивая маленькой головой и сверкая золотом и серебром цветов, вышитых на синем камзоле. Придворные зашептались. Царевна фыркнула.

Султан повернулся к везирию.

– Отныне полцарства и наша дочь принадлежат твоему сыну!

Мубарак моргал глазками, ничего не понимая. Везирь подтолкнул его к ногам султана. И сам упал рядом.

Он поцеловал туфлю султана, ткнул сына в другую туфлю. Похлопав глазами, тот тоже чмокнул туфлю. Лежа на животе перед султаном, Бу-Али Симджур шепнул сыну:

– Царевна Будур и полцарства – твои...

Султан благосклонно поднял обоих и сказал Мубараку:

– Дай ей руку!

Мубарак нерешительно протянул руку. Царевна, рассердившись, ударила его по руке, повернулась спиной и громко заплакала.

– Пусть плачет, – сказал султан. – Слезы женщин... Как там говорится у Мухаммада ибн-Закарийа Рази о слезах женщин?

Везирь значительно прищурился:

– У Мухаммада ибн-Закарийа Рази сказано: «Слезы женщин орошают порог счастья».

– Вот именно! – сказал султан.

Однако тут – этого не ждал никто – царевна устремилась к окну и выпрыгнула из него. Все оцепенели. Мубарак бросился к двери.

Царевна мчалась через сад к дворцовым воротам. За ней погнались стражники. Впереди всех бежал Мубарак.

– Держите ее!..

Стражник в воротах нерешительно преградил царевне дорогу. Она толкнула его, стражник упал. Царевна выскочила.

С разгону Мубарак зацепился ногой за лежащего стражника и свалился на него. И бегущие за ним стражники с воплями попадали на Мубарака один за другим.

Царевна мчалась вдоль дворцовой стены. И все в городе, кто ее видел, падали ниц. Царевна перепрыгивала через них.

Она завернула за угол. Доносились голоса и крики приближавшихся стражников. Увидев нишу в стене, царевна спряталась в ней. Она стояла, порывисто дыша.

Стена перед ней заросла травой. Маленькая ящерица смотрела на царевну блестящими глазами. Прижавшись к стене, царевна замерла.

Мимо, не заметив, промчались стражники, тяжело грохоча сапогами. Царевна хотела выскочить, сделала шаг и отшатнулась.

Теперь подбегал Мубарак. Царевна затаила дыхание. Мубарак увидел ее. Маленькие глазки его хищно засверкали, он расплылся в торжествующей улыбке, хотел схватить царевну за руку.

Тогда царевна Будур двумя пальчиками сорвала со стены ящерицу и сунула за шиворот Мубараку.

– Вот тебе! – сказала она.

Мубарак вытянул шею, как будто к чему-то прислушивался. Потом взвизгнул, подпрыгнул и, ерзая всей спиной и извиваясь, захохотал.

Царевна покатила от смеха, Мубарак обеими руками пытался схватить у себя на спине ящерицу и, хохоча, кричал:

– Ха-ха-ха-ха!.. Царевна здесь!.. Сюда!.. Ха-ха-ха-ха!..

Стражники повернули назад. Царевна выскочила из ниши. Мубарак, приплясывая, хохотал. Стражники схватили царевну.

– Заприте ее... – прохрипел Мубарак.

Он был уже без сил от смеха.

* * *

Знаете ли вы, что такое диван? Не тот диван, на котором сидят. А диван, который сам сидит: государственный совет мудрейших при великом султানে. Такой диван уже второй час заседал в тронном зале дворца. Все, свесив головы,

думали.

– ...И что же? – спросил султан. – Никто не даст нам должный совет?

– Есть способ, – сказал везирь Бу-Али Симджур.

– Говори!

– Раз царевна Будур попала в город и набралась там дурного – значит ее надо уговорить, что она не попадала в город!

– Как так?! – удивился султан.

Везирь пояснил:

– Царевну надлежит убедить, что это был только сон. А раз это был сон и с ней ничего не случилось, она опять станет послушна. И сердце великого султана возрадуется!

– А что скажет наш Наимудрейший? – спросил султан.

У Наимудрейшего на все был готов ответ:

– Не про сон сказать, что это сон, – это все равно, что про сон сказать, что это не сон.

И гордо обвел всех глазами. Султан попытался проникнуть в смысл этих слов. Потом сказал:

– Повелеваем! Царевна нигде не была, а ей все приснилось! Все поняли нас?! – грозно добавил он.

– Все... – сказали придворные, встали и поклонились.

По повелению султана Наимудрейший сейчас же приступил к делу. Это было в покоях царевны. Царевна Будур смотрела на него злыми глазами. А он убеждал ее, рассказывая:

– Один раз я видел сон, что учу крокодилов читать по-фарсидски... А еще один раз был сон, что я минарет, и у меня на голове кричат муэдзины... А еще был сон, что мои волосы ушли на базар покупать гребешок...

– Ну и что? – спросила царевна.

– А то, что ты видела того оборванца тоже во сне.

– Неправда! – сказала царевна. – Если бы это было во сне... Как мог Мубарак вцепиться в него?!

– Мубарак? – неестественно удивился Наимудрейший и крикнул: – Мубарак!

Вошел Мубарак, наверно, сидел тут же под дверью.

– Говорят, что ты вчера вцепился в какого-то оборванца?

– Кто? Я? – сказал Мубарак. – Когда? Я вчера нигде не был. Я был на охоте... И убил льва! – добавил он.

Царевна недоверчиво посмотрела на него и уже менее уверенно сказала:

– Как же так? Я помню. Я была в городе и видела козу.

Наимудрейший и Мубарак покатались со смеху.

– Не смейтесь! Я говорю правду! – сказала царевна сердясь. – Еще вот он привел меня во дворец!

И кивнула на толстого стражника, что стоял на карауле в дверях. Тот вытаращил глаза:

– Кто? Я! Я два дня лежал дома! И у меня болела челюсть... Пусть меня

разорвет шайтан, если я вру!

Вошел султан и сказал нежно:

– Дочь наша... Будур!

Царевна бросилась к нему.

– Как хорошо, что ты пришел! Скажи: ведь это было? Правда? Ты же ругал меня за оборванца?

Султан сделал круглые глаза:

– О каком оборванце ты говоришь, дочь моя? Я тебя ругал за принцев, что их уже не осталось...

– Да нет же! – воскликнула царевна. – Я говорю об Аладдине!

– Об Аладдине?

– Да! – воскликнула, сияя, царевна. – Вспомнил?

Султан сдвинул брови и начал вспоминать:

– Аладдин, Аладдин... О каком Аладдине ты говоришь, дочь моя?

– Значит, я спала... и все это был сон... – печально сказала царевна.

И глаза ее погасли.

Мубарак покинул покои царевны.

Едва дверь за ним закрылась, он пустился на радостях в пляс, высоко подбрасывая ноги.

Приплясывая и фальшиво напевая, Мубарак открыл тяжелый замок султанской тюрьмы. Продолжая выделывать ногами причудливые письмена, он подошел к краю каменного колодца и крикнул в глубину:

– Эй ты!

Со дна колодца поднял голову Аладдин.

Высоко в квадрате света торчала крошечная голова Мубарака. Она злорадно сообщила:

– Завтра ты будешь уже без головы!

Аладдин усмехнулся:

– Еще какие вести?

– А еще – я женюсь на царевне Будур!

Аладдин своими широко расставленными глазами посмотрел на него, схватил сухой ком глины и с силой метнул вверх.

Ком глины попал прямо в рот Мубарака, который хотел еще что-то сказать, но не успел. Мубарак выплюнул глину и заскрежетал зубами.

* * *

Старая Зубейда в глубокой задумчивости сидела посреди своего разграбленного дворика.

Наверное, она сидела долго, очень долго и сидела бы еще, если бы коза не подошла к валявшейся во дворике лампе и не потянулась к ней мордой.

В ужасе Зубейда вскочила, оттолкнула козу. И ей в голову пришла спасительная мысль.

Нерешительно подойдя к лампе, она притронулась пальцем, заглянула в нее

и робко спросила:

– Ты здесь?

Никто не ответил.

Зубейда постояла, потом сказала сама себе:

– Надо!

Но продолжала стоять, глядя на лампу как завороченная.

Наконец собралась с духом, села на корточки и положила лампу на колени.

Закрыв от страха глаза, она потеряла лампу концом рукава. И услышала громовой голос:

– Слушаю и повинуюсь!

Зубейда заставила себя посмотреть на джина.

– У тебя есть совесть? – спросила она.

– Что? – не понял джин.

– Как тебе не стыдно! Зачем ты позволил схватить Аладдина?

– Надо было потерять лампу...

– А ты сам не мог догадаться?

– Не мое дело! – сказал джин.

– Не болтай! Неси Аладдина обратно!

– Я его не уносил... – проворчал джин.

– Что ты сказал?! – строго спросила Зубейда.

Но джин уже улетел. А Зубейда взяла метлу и брезгливо стала подметать место, где он стоял.

Она, конечно, не могла видеть ни то, как на султанской темнице сам собой упал замок, ни то, как опять же сами собой открылись там двери, ни то, как джин извлек Аладдина из каменного колодца и вновь тем же способом закрыл замок на дверях.

Просто она не кончила еще подметать двор, как перед нею словно из-под земли выросли Аладдин и джин.

Увидев сына, Зубейда, чтоб скрыть волнение, стала еще яростней подметать. Аладдин хотел обнять мать, но она отстранилась.

– Забирай свою лампу и джина! И чтобы я их больше не видела! – крикнула она.

Аладдин подмигнул джину; он исчез в лампе.

Тогда мать опять посмотрела на сына и громко заплакала. Он схватил ее в объятия. Отталкивая его, мать сказала:

– Чему ты радуешься! Тому, что у нас все утащили из дому?! И если придут гости, твоя мать должна будет им сказать «уходите»?

– ...Входите! Здравствуйте! – добавила она любезно.

Аладдин обернулся: в калитку неспешно вошли два старых мастера – те, которых видели мы на недостроенном минарете.

Они уселись под деревом и обвели взглядом разоренный двор.

Абу-Яхья сказал:

– Странные дела творятся в Багдаде...

– А что? – спросила мать.

– Может быть, Аладдин нам объяснит, почему его дядя вчера летал на верблюде?

– Это было задолго до утренней молитвы, – добавил Абу-Наиб, рыжебородый.

– Пусть, пусть объяснит! – злорадно сказала Зубейда. – Аладдин, почтенные мастера хотят узнать, кто отправил твоего дядю по воздуху на верблюде. Скажи им, если у тебя хватит стыда!

Аладдин вежливо улыбнулся, потер лампу.

И перед мастерами появился джин. Однако мастера остались невозмутимы.

Сияя, Аладдин воскликнул:

– Я могу сейчас подарить вам столько золота, что вы до конца ваших дней будете жить в довольстве и сидеть, ничего не делая!

Старики помолчали. Потом Абу-Яхья сказал:

– Мастер Абу-Наиб, ответь мне, своему старому другу, хотел бы ты сидеть, ничего не делая, до конца своих дней?

– Нет, – сказал рыжебородый, подумав.

– Тогда почтенье этому дому!

Мастер Абу-Яхья поднялся и, пропустив вперед рыжебородого, закрыл за собой калитку. Их шаги замолкли в отдалении.

– Ах, как неприятно!.. – сказала мать.

Глянув на нее, Аладдин шепнул что-то джину.

– Мама! – торжественно сказал он. – Закрой глаза и сосчитай до пяти!

– Еще чего... – проворчала она. – В последний раз я играла в эту игру, когда мне было семь лет.

Тогда Аладдин сам закрыл ей рукой глаза и сам сосчитал:

– Раз... два... три... четыре... пять!

И отнял руку от глаз матери.

Двор был неузнаваем. Цветистые шелковые одеяла лежали горой. Стояли сундуки, окованные серебром. Вдоль забора была расставлена новая посуда.

Кивнув с отвращением на джина, мать спросила:

– Это все он?

– Он, – сказал Аладдин.

– Никогда не сяду на эти одеяла! Ни за что не открою эти сундуки! Сейчас возьму козу и уйду!..

И Зубейда начала толкать козу к выходу.

Аладдин удержал ее за платье и грустно сказал:

– Ну, сосчитай еще раз до пяти!

Опять прикрыл ей глаза, сосчитал:

– Раз... два... три... четыре... пять!

Снял ладонь с ее глаз.

Дворик был пуст. Джина тоже не было. Мать кивнула, потом с некоторым сожалением сказала:

– А коврик был ничего...

Вот что было с Аладдином и джином. А в это же самое время с везирем и

его сыном происходило нечто другое. Бу-Али Симджур и Мубарак склонились над картой их тридевятого царства. Везирь благоговейно говорил:

– Сегодня вечером, о возлюбленный сын, ты получишь царевну Будур и полцарства.

Жирной чертой везирь разделил царство пополам.

– Вот эта половина – тебе!

Мубарак важно кивнул.

Везирь спросил:

– А что ты дашь мне – своему единственному отцу?

Мубарак скривился. Его палец долго шарил по карте, пока не нашел самой маленькой точки:

– Дарю тебе вот – город Бельбейс.

Лицо везирия вытянулось.

– Такой паршивый городок?!

– Почему?.. Я там был, – сказал Мубарак. – Там есть две цирюльни и пять лавок...

– Две цирюльни?! – оскорбленно вскричал везирь. – Не возьму!

И отодвинул карту.

– Кто женится – я или ты?! – обозлился Мубарак.

– Ты, ты! – униженно сказал Бу-Али Симджур и чмокнул его в темя. – Готовься к свадьбе, мой возлюбленный сын!

* * *

И опять пришла ночь. Мастера с вершины строящегося минарета многое видели в эту ночь, но много и не видали.

Они видели, как над Багдадом пронеслась тень джина, направляясь к дворцу. И продолжали как ни в чем не бывало класть свои кирпичи и изразцы и прихлопывать глину лопатками: с джином-то они уже встречались!

Они видели и светящийся огнями дворец. Из него доносилась веселая музыка. А над дворцом на шпиле поблескивал полумесяц из чистого серебра.

Но самой свадьбы они не видели и не могли увидеть. Там, на свадебном пиру, сидели великий султан, и везирь, и Мубарак, и гости. Играли музыканты. Все говорили разом, пили, ели и веселились.

А за занавеской сидела царевна Будур и плакала.

Мастера видели и как тень джина пронеслась над Багдадом обратно. Но понятно, они не могли увидеть, как джин очутился во дворике Аладдина и сказал:

– Царевна плачет!

И как Аладдин воскликнул:

– Плачет?!

И почему-то радостно заплясал.

Одним словом, мастера кое-что видели, кое-чего не видали, клали да клали свои кирпичи и изразцы.

А во дворцовой опочивальне вдоль стен горели светильники. И где-то

далеко звучала свадебная музыка. Дверь открылась, великий султан ввел царевну в опочивальню и оставил одну.

Вынув спрятанный на груди кинжал, царевна Будур примерилась, как будет себя убивать. И со вздохом спрятала кинжал обратно.

Дверь открылась опять. Везирь втолкнул Мубарака. Он был разодет пестро, как китайский фазан. Молодые остались наедине.

Царевна положила руку туда, где кинжал. А жених сделал шаг к царевне, церемонно поклонился и начал:

– О звезда моих очей!..

Слово «очей» было последним словом, которое Будур услышала.

На этом слове Мубарак вдруг оторвался от пола и улетел в окно.

Царевна Будур недоверчиво поглядела вслед. Жениха не было. Его совсем не было. Не было нигде! Тогда она запрыгала на одной ноге и начала хохотать.

Вбежали султан и везирь.

Царевна прыгала:

– Он улетел! Улетел!

– Кто улетел? – спросил султан, шаря глазами по опочивальне.

Он и везирь заглянули под балдахин и даже под ковер, будто жених мог расплющиться.

– Мубарак! – закричал везирь.

Никто не ответил.

– Что это значит? – оскорбленно спросил султан у Бу-Али Симджура.

Тот подошел к окну, раздвинул занавеску, на всякий случай крикнул в ночь:

– Мубара-ак!

И услышал голос: «Сними-ите меня-я...»

Султан и царевна подбежали к окну.

Высоко над крышей дворца, на шпиле поблескивал серебряный полумесяц. А на полумесяце висел Мубарак вниз головой, качаясь на собственном поясе и болтая руками и ногами.

– Что ты там делаешь? – крикнул везирь. – Слезай!

– Не могу-у!.. – вопил Мубарак.

– А как ты туда забрался?!

– Не знаю... – жалобно кричал Мубарак. – Снимите меня-я!

– Не снимайте его! – крикнула царевна.

Пировавшие на свадьбе придворные выбежали из дворца и задрали головы вверх.

С минарета смотрели на висящего жениха и два старых мастера.

Они видели, как прибежали стражники. Распоряжался Мустафа – главный конюший. Расставив стражников, Мустафа дал им в руки конскую попону.

Стражники взяли попону за концы и растянули, чтобы сыну везиря было куда падать.

– Прыгай! – крикнул Мустафа.

– Не могу-у! – пищал Мубарак, болтаясь на поясе.

Мустафа поднял лук и вложил стрелу. Стрела со свистом понеслась к

серебряному полумесяцу, перервала пояс Мубарака. Вереща от ужаса и кувыркаясь в воздухе, жених полетел вниз.

Он упал на попону, и стражники, державшие ее, попадали вместе с ним. Мустафа вытащил жениха из попоны и поставил на ноги.

– Иди сюда, осел! – крикнул везирь из окна.

Мубарак скрылся в воротах дворца. Все разошлись. Мастера на минарете вновь стали класть свои кирпичи.

А Мубарак уже стоял в опочивальне и тер глаза кулаками.

– Зачем ты туда забрался? – спросил султан.

– Я не забирался...

– Ты лжешь! – сказал султан. – Все видели, что ты там висел!

Везирь сказал:

– Раз забрался, скажи, что забрался.

– Забрался... – послушно сказал Мубарак.

Бу-Али Симджур обратился к султану.

– О великий султан, прости неразумное дитя! Это он по молодости и излишнему усердию.

– Ну хорошо, – сказал султан. – Оставим их еще раз.

Царевна спросила:

– А вдруг он опять улетит?

– Пусть только попробует! – сказал везирь, свирепо глядя на сына.

И вышел вместе с султаном. Мубарак постоял, постоял... Сделал шаг к царевне Будур, сказал нерешительно:

– О звезда...

И умолк. Ничего худого не произошло. Тогда, осмелев, он сказал:

– О звезда моих очей!..

Опять ничего не произошло. Мубарак окончательно приободрился, шагнул к царевне. Еще шагнул, еще... И вдруг опять оторвался от пола и, отчаянно болтая руками и ногами, улетел.

В восторге царевна кинулась к окну.

Серебряный полумесяц был. Но Мубарака на нем не было.

– Так тебе и надо! – сказала царевна и захлопнула окно.

Она легла, сама себе сказала:

– Спокойной ночи, царевна Будур!

И, счастливо улыбаясь, закрыла глаза.

* * *

Пока царевна спит и видит сны, мы не можем умолчать о событии, которое случилось в ту ночь на базаре.

Возле лавки горшечника стоял огромный горшок с узким горлом. Из горшка доносились хриплые вопли. На почтительном расстоянии от него теснились люди.

– ...Я полагаю, – рассудительно говорил кузнец, – что джина, сидящего в горшке, вернее всего погубить, насыпав внутрь раскаленные угли.

Горшок ответил воплем:

– Я не джин! Я не джин! Вам говорят!

Ночные зеваки молчали. Кто-то сказал:

– Угли – это хорошо для барашка. А на джина лучше всего вылить кипящую смолу.

Горшок завопил:

– Я не джин! Я сын главного везиря!

На это базар ответил дружным смехом.

Крошечный старичок захихикал.

– Какой хитрый джин!.. Зачем сыну везиря забираться в горшок?

Горшок ответил воплем.

Послышались крики:

– Дорогу султану!.. Дорогу великому султану!..

Толпа расступилась. Вошли стражники с факелами. И вслед за ними въехали на конях сам великий султан и везирь.

Бу-Али Симджур неспешно сошел с коня, приблизился к горшку и спросил у зевак:

– Итак, сидящий в горшке утверждает, что он мой сын?

– Да-а... – отозвалась хором толпа.

Везирь постучал по горшку серебряным посохом.

– Эй! Кто там?

Горшок молчал. Бу-Али Симджур осторожно заглянул в горшок, увидел сына, хватил посохом по горшку. Горшок разбился, и все увидели дрожащего Мубарака.

Толпа ахнула. Везирь затопал ногами и завопил:

– Разогнать всех!

Стражники ринулись на толпу. Все бросились кто куда.

Бу-Али Симджур спросил сына:

– Зачем ты залез в горшок?

– Я не залезал, – сказал Мубарак.

– Подлый лжец! – завопил везирь. – Все видели, что ты там сидел!

Но тут с коня заговорил сам великий султан:

– Залез он или не залез – нас это уже не интересует. Если ему больше нравится горшок, чем половина царства и рука моей дочери, пусть лазает по горшкам!

И повернулся к Мустафе, державшему султанского коня под уздцы.

– Да возвестят в Багдаде! Отныне сын везиря и наша дочь больше не муж и не жена!

– Как?! – вскричал везирь, ударив посохом по земле. – Султан берет свое слово обратно?!

– Вон! – завопил султан. – У меня нет больше везиря! Мой везирь – вот, Мустафа!

Мустафа в восторге выхватил из рук Бу-Али Симджура серебряный посох, пнул везиря ногой, взобрался на его коня и заорал:

– Знайте все! Отныне Мубарак и царевна Будур не муж и не жена! А везирь не везирь!

Султан, Мустафа и стражники с факелами удалились, оставив Бу-Али Симджур и его сына возле разбитого горшка.

Бывший везирь подумал, подумал и сказал Мубараку:

– Ты мне больше не сын!

– А как же полцарства?.. – растерянно пробормотал Мубарак.

Бу-Али Симджур молча пошел прочь.

Мубарак жалким голосом крикнул:

– А как же я?..

Бу-Али Симджур обернулся.

– Уходи в город Бельбейс, там есть две цирюльни!

И скрылся меж лавок.

* * *

Луна укатилась к влюбленным другой части Земли, и звезды шире раскрыли свои золотые глаза. Багдад угомонился и спал. В ночи перекликались ослы.

Лишь два старых мастера все еще работали на недостроенном минарете.

Да Зубейда в своей комнатке при колеблющемся огоньке светильника пряла на деревянной прялке. И рядом Аладдин соскабливал ножом след сапога с картинки сказочного дворца.

Потом он вызвал из лампы джина.

– Ты не очень устал?

– Джинны не устают, – сказал джин.

– Ты можешь сделать точно такой же дворец?

Джин бросил взгляд на картинку.

– Могу...

Зубейда сказала:

– Все равно козу я туда не поведу!

И вышла во дворик, хлопнув дверью.

Джин сказал:

– Позволь взглянуть еще раз...

Протянул огромные пальцы к книге, и его взор заскользил по дворцовым башенкам, стрельчатым окнам и кружевным воротам.

– А как его сделать внутри? – спросил джин.

Мы не знаем, что ответил Аладдин. Но свидетельствуем: когда Зубейда вернулась в комнатку, огонек светильника качнулся от дуновения ветра, и в комнате не было ни сына, ни его джина, ни его книги, ни его лампы.

А Аладдин в это время уже взбирался по лесенке на недостроенный минарет.

– Да сопутствуют вам удача и счастье! – сказал он, добравшись наверх.

– И тебе, – хмуро сказали мастера, продолжая класть свои изразцы.

– Я пришел за советом.

Мастера вытерли руки и сели, ожидая, что он скажет.

– Я хочу построить дворец! Вот такой!

Аладдин раскрыл книжку. Мастера даже не взглянули на рисунок.

– А где твой джин? – спросил Абу-Яхья. – Почему ты спрашиваешь у нас, а не у него?

– Он тут, – сказал Аладдин и потер лампу.

Рядом с минаретом вырос джин. Его голова оказалась чуть выше, и он осторожно облокотился на недостроенную верхушку. Мастера с отвращением отодвинулись подальше от джина.

Джин вежливо сказал:

– Почтенные мастера! Мне известно, как сделать сказочный дворец снаружи, но неизвестно, как его сделать внутри.

Абу-Наиб погладил свою рыжую бороду и поморщился.

– Попроси его, чтобы он разговаривал потише.

А Абу-Яхья добавил, не достаивая джина взглядом:

– И еще спроси: он когда-нибудь строил дворцы?

– Не строил, – сказал джин.

Мастера помолчали. Потом Абу-Яхья спросил Аладдина:

– У тебя есть чем записывать и на чем?

И опять за Аладдина ответил джин:

– Есть.

И в его огромных руках появилось несколько листов китайской бумаги, тростниковое перо и чернильница.

Однако мастера и на этот раз не взглянули на джина.

– Пиши! – сказал Аладдину Абу-Яхья. – Надо поставить дворец на самом твердом камне руух, чтобы дворец пережил тебя, твоих внуков и правнуков...

И джин стал записывать, как прилежный ученик.

* * *

Царевна Будур безмятежно спала, положив голову на ладонь, когда перед нею возник Аладдин с лампой в руках. Услышав шорох, царевна открыла глаза и увидела Аладдина.

– Это ты? – едва слышно спросила она.

Аладдин улыбнулся.

– Уходи... – прошептала царевна.

– Почему?

– Потому что, когда я проснусь и тебя не окажется, это будет очень печально... Уходи из моего сна...

Аладдин послушно пошел к дверям.

– Нет, постой...

Царевна поднялась. Аладдин остановился. Царевна Будур взяла его за руку:

– Пусть этот сон будет и будет... Только бы не проснуться...

– Идем, – тихо сказал Аладдин.

Они вышли в сад, где стояли недвижимые, будто заколдованные деревья.

Царевна подняла голову – и ахнула.

В зыбком ночном свете перед нею возносились легкие очертания сказочного дворца. Его башни тянулись к звездам. Окна светились. Новый дворец стоял рядом со старым дворцом, и в то же время казалось, будто он ненастоящий, будто его нарисовал искусный мастер старинной миниатюры.

Царевна замерла, не сводя глаз с дворца.

– Я построил его для тебя... – сказал Аладдин.

И повел ее во дворец, и сказал:

– Двери твоего дворца будут всегда открыты, чтобы ты могла ходить в гости, а гости – к тебе. Вот зал для гостей!

Они вошли. Это был очень веселый зал. Стены были разрисованы сказками «Тысячи и одной ночи». А на коврах стояли всевозможные игры: и нарды, и шахматы, и игры, еще не известные никому.

Царевна подняла голову и вскрикнула от восторга.

Над нею был не просто потолок, а сказочный калейдоскоп. Он крутился, а на нем из углов сбегались и разбегались разноцветные камешки, складываясь во все новые и новые фигуры, которые никогда не повторялись. На это можно было смотреть без конца. Это было как музыка.

– Так и есть – сон... – прошептала царевна.

Аладдин повел ее дальше. Они очутились в комнате, где все стены были увешаны нарядными платьями. А на полу стояли туфельки всех цветов и фасонов, какие только можно было себе представить и пожелать.

Царевна подбежала к одному платью – потрогала, подбежала к другому – погладила.

– Ты знаешь, что такое зеркало? – спросил Аладдин.

– Нет...

– Значит, ты даже не знаешь, как ты красива?

Царевна смущенно помотала головой. Аладдин откинул занавес. И перед царевной открылось зеркало – первое зеркало на свете. До этого еще никто никогда в Багдаде не видел зеркал. Это зеркало было такой чистоты, что в нем отражался каждый вздох.

Царевна приблизилась к зеркалу. На нее смотрела сказочная красавица: она потупила глаза и стала виновато поправлять волосы.

– Это лучшая игрушка, какую я видела в жизни! – сказала царевна.

Аладдин взял ее за руку и повел в третий зал.

– А вот комната для твоих танцев.

Царевна сделала шаг – раздался чарующий звук арфы. Второй шаг – второй звук. Она пробежала на цыпочках – прозвучало удивительное глассандо...

– Поющий пол! – воскликнула царевна.

Выбежала на середину комнаты и начала танцевать. И музыка из-под ее туфелек была самая прекрасная музыка. И это был самый прекрасный танец.

– Ах, если бы это было на самом деле!.. – сказала царевна, взяла Аладдина за руку, и они вернулись в зал для гостей.

В это мгновение встало солнце. Первый его луч упал на царевну и Аладдина,

как бы соединив обоих.

Царевна прошептала:

– Какой удивительный сон!..

– Да нет! Это не сон! – сказал Аладдин. – Просто у меня есть знакомый джин. Он живет в этой лампе.

И протянул ей лампу:

– Не веришь? Потри!

Царевна осторожно потерла лампу, из лампы взлетели белые струи. Они мчались кверху, расширяясь, пока не приняли очертания джина. Посреди его лба торчал рог.

– Слушаю и повинуюсь! – сказал джин.

Царевна от страха зарылась в подушки. Потом высунулась и посмотрела на джина одним глазом.

– Ах, вот что! – догадалась она. – Значит, это не сон, а простое волшебство!

Улыбнулась джину очаровательной улыбкой и спросила:

– Ты можешь все?

– Все, – сказал джин.

– Поклянись!

– Это у вас, женщин, клятвы, – сказал джин. – А у нас, джинов, каждое слово – правда.

– Тогда принеси мне... принеси... ну, одну миндалинку!

Нечто вроде снисходительной улыбки появилось на загадочном лице джина. И он исчез. А перед царевной появилось золотое блюдо, на котором лежала одна миндалинка.

Царевна положила миндалинку в рот, раскусила ее – и вдруг пришла в дикую ярость. Она затопала ногами, ударила кулаком по блюду.

– Что с тобой? – испугался Аладдин.

– Вот как! Значит, все было! Значит, это не сон! Они меня обманули!.. Ну, погодите, я им всем покажу!..

– Царевна...

Но царевне было не до Аладдина. Сверкая глазами, она указала джину на лампу. И когда тот в ней исчез, что-то быстро зашептала в лампу.

И на коврах, откуда ни возьмись, появились скатерти с угощениями. Каких тут только не было блюд! И кувшины с напитками всех семи частей света! И курильницы на высоких ножках: они сразу же задымились.

– Зачем все это?! – воскликнул Аладдин.

– Свадьба! – сказала царевна.

– Чья свадьба?!

– Наша! Не мешай!..

Царевна была так разъярена, что казалось, будто не в лампу, а будто бы в саму царевну забрался джин, и даже не один, а целых десять джинов.

Она шептала что-то и шептала в лампу. И на коврах один за другим появились султан, Наимудрейший и Мустафа. Вытаращив глаза, они глядели друг на друга.

– Что это значит? – строго спросил султан.
Мустафа и Наимудрейший молчали.
– Это значит, что ты спишь, – сказала царевна.

– То есть как сплю?!

– А так! – сказала царевна. – И они тоже спят, – показала она на Наимудрейшего и Мустафу. – И ты и я – все мы спим. И снямся друг другу.

– Что ты болтаешь! – сказал султан.
– И сейчас будет свадьба! – сказала царевна. – Вот мой жених!
Увидев Аладдина, султан завопил:
– Он же в темнице!
– Вот видишь, – сказала царевна. – Теперь ты сам понял. Он сидит в темнице, а ты его видишь здесь. Значит, что?

– Что? – спросил султан.
– Сон! – сказала царевна.
– Не путай нас!

Султан повернулся к Мустафе:
– Что скажет наш новый везирь?

Мустафа пожевал губами и ткнул пальцем в Наимудрейшего:
– Пусть сначала он...

Раздалось блеяние. И рядом с султаном на ковре появились коза и мать Аладдина.

Коза боднула султана; тот отскочил. Протянув руку, султан потрогал видение и сказал потерянным голосом:

– Коза...
– Это моя коза! – сказала с достоинством Зубейда.

Царевна шепнула что-то в лампу. И коза исчезла.

В последних проблесках сознания султан глядел на то место, где только что стояла коза.

Зубейда неодобрительно все созерцала.

– Знакомься, – сказала царевна. – Это мать моего жениха.

Султан вдруг залился тоненьким смехом. Потом закашлялся так, что его долго били по спине Мустафа и Наимудрейший.

Тут раздался стук колотушки и вопль: «Спите, жители Багдада!» И откуда-то сверху свалился ночной сторож Абд аль-Кадир.

Увидев султана, он задрожал и рухнул в ноги.

– Не бойся... ласково сказала царевна. – Это сон...

Султан ее оттолкнул:

– Дай я ему сам объясню... Ну, ну, не бойся, – султан добродушно поднял старика. – Мы друг другу снямся. Понял?

Абд аль-Кадир моргал глазами, вобрав голову в плечи.

– Да не бойся ты! – сказал султан. – Здесь, понимаешь ли, можно все! Это сон... Вот смотри, я толкаю тебя. Видишь?

Он толкнул сторожа. Тот чуть не заплакал.

– А теперь толкни ты меня, – добавил султан, приходя в наилучшее расположение духа.

– Толкни! Толкни! – сказала царевна Абд аль-Кадиру.

Старик закрыл глаза и осторожно коснулся пальцем султана.

– Ну вот видишь, – сказал султан. – Видишь, как интересно! Что я делаю, когда я не сплю? Головы рублю, неприятности всякие... А во сне хорошо!.. Свадьба! Дочку выдаю замуж... Садитесь, дорогие гости!

И, словно услышав приглашение султана, за угощением появились придворные. И сразу же набросились на еду.

– Почему они не удивляются?! – вскричал султан, которому уже понравилось всем все объяснять. – Эй вы! Удивляйтесь!

– Удивляемся... Мы удивляемся... – набитыми ртами загудели придворные.

Сияющий султан воскликнул:

– Это сон! Понимаете? – Он кивнул на Аладдина. – Посмотрите на него! Где он сейчас? В темнице! И ему отрубят голову!.. А здесь он кто? Жених на свадьбе... И мне хорошо, и ему хорошо!.. Ты не боишься улететь? – вдруг спросил он Аладдина.

Аладдин улыбнулся. Султан сказал:

– Наша дочь обладает одним свойством: если ей не нравится жених – он улетает.

Мустафа добавил:

– Только когда будешь лететь, крикни, где тебя искать.

На этом разговоры кончились. И начался пир.

* * *

Ах, какой это был пир! Такого пира еще ни у кого не было! Достаточно было протянуть руку, чтобы кто-то невидимый поднес гостю кувшин или блюдо. Стоило выпить чашу, как тот же невидимый наполнял ее. Что касается пустой посуды, то она сама улетала, не задевая гостей.

Время от времени в воздухе появлялось новое невиданное блюдо и торжественно опускалось перед пирующими.

Зубейда невозмутимо наблюдала за чудесами, обводила глазами гостей и все великолепие свадебных покоев. Она остановила взгляд на большом апельсине. И, точно почувствовав ее взгляд, апельсин очистился и бросился к ней в руки, раскрывшись дольками.

Зубейда взяла одну дольку, положила ее в рот. И из-за спины сына поманила царевну.

– Я подарю тебе прялку, – благосклонно сказала она.

– А что это такое? – спросила царевна.

– Посмотришь, – сказала Зубейда. – Тебе понравится.

А султан тем временем разыгрался: швырял халвой в придворных. Придворные хихикали. Даже Абд аль-Кадир и тот постепенно выходил из оцепенения.

– Интересно, – вскричал султан, – что еще нам приснится? Что будет

дальше?

Ночной сторож вдруг завопил:

– Э-эй!..

И поддал султана ногой пониже спины. Придворным это так понравилось, что они тоже стали пинать ногами друг друга. Кто-то схватил Наимудрейшего за конец его чалмы и побежал. Чалма, разматываясь на все свои тысячу локтей, запутала всех. Все визжали и стонали от смеха.

Такое веселье Зубейде пришлось не по душе. Она наклонилась к сыну и сказала:

– Когда у меня с твоим отцом была свадьба – это было не во сне...

И Аладдин опустил голову.

– Что с тобой? – спросила Будур.

– Я думаю о том... Почему люди только во сне делаются людьми? Султан не рубит головы, ночной сторож не боится султана, нищий женится на царевне... Неужели для всего этого нужна волшебная лампа?

А великий султан уже пустился в пляс. Но одна его нога сразу же зацепилась за другую. Султан упал на спину и узрел над головой сказочный потолок.

Потолок крутился. Из углов по нему сбегались и разбегались разноцветные камешки, складываясь во все новые и новые причудливые фигуры.

– Что это? – спросил султан, лежа на спине.

Мустафа поднял голову и разинул рот.

– Мы, великий султан и царь времени, спрашиваем тебя, – повторил султан. – Что это такое?

– Потолок... – пролепетал Мустафа.

Остальные придворные тоже задрали головы. Мы должны, между прочим, обратить ваше внимание на то, что среди придворных прятался бывший везирь, пробравшийся на свадьбу.

Покосившись на Мустафу, султан насмешливо спросил:

– Тогда, может быть, ты соизволишь нам ответить, что сказано о мудрости государей у эмира Унсур-ал-Меали Кой-Кавуса ибн-Искандера ибн-Кабуса ибн-Вушманира ибн-Зиара?

С каждым новым именем несчастный Мустафа втягивал голову все глубже. А презрительная улыбка прятавшегося Бу-Али Симджур делалась все шире.

– Сколько ты знаешь букв? – спросил султан.

Мустафа сокрушенно молчал. Султан поглядел на него и окончательно потерял терпение.

– Где наш везирь? – заорал он.

Растолкав придворных, Бу-Али Симджур выскочил. Он мчался к султану, раскачиваясь как петух. Выхватил серебряный посох у Мустафы. И поддал его коленкой так, что тот полетел к придворным. Те, в свою очередь, вытолкали Мустафу за дверь.

А везирь сказал не задумываясь:

– О несравненный султан, затмевающий блеском солнце, и все светила, и всех владык мира! У эмира Унсур-ал-Меали Кой-Кавуса ибн-Искандера ибн-Кабуса ибн-Вушманира ибн-Зиара сказано: «Мудрость государей подобна

океану».

Султан зажмурился от удовольствия. Везирь, не теряя времени, продолжал:

– Хвала светоносному саду, от благоухания милостей которого веет воздух райских садов!..

Зубейда покосилась на него, сказала:

– Ну, я пошла доить козу.

Встала и ушла. А Бу-Али Симджур в упоении уже не говорил – почти пел:

– Поистине как звезда... Как созвездие Льва среди обыкновенных львов, живущих в пустыне, сверкает имя нашего повелителя...

– Я спрашиваю: что это такое?! – капризно прервал его султан, ткнув в потолок.

– К этому я и веду!.. – вскричал везирь. – Пресветлый султан отличается от прочих людей также тем, что даже сон его сверкает среди простых снов подобно драгоценным камням! Это не потолок, о несравненный султан, это твой царственный сон!

* * *

Долго ли, коротко ли ехал магрибинец, а в конце концов прибыл-таки на своем черном верблюде в Багдад.

Было так. Сын везиря Мубарак стоял на пустынной улочке, колупая пальцем стенку, и хныкал. Кто-то тронул его за плечо. Мубарак обернулся.

Он увидел на черном верблюде незнакомца в магрибской одежде.

Магрибинец нагнулся к Мубараку, сказал:

– Я знаю все. Кто ты такой, почему ты сидел в горшке и как тебе помочь.

И сказал ему что-то в самое ухо.

– Не пойду! – буркнул Мубарак.

– Как знаешь, – усмехнулся магрибинец. – Не хочешь полцарства – стой здесь и колупай стенку.

Он тронул верблюда.

– Подожди! Подожди! – Мубарак погнался за магрибинцем.

– Вот теперь правильно, – сказал магрибинец. – Полцарства – это все-таки полцарства!

И они скрылись за поворотом улочки...

А на свадьбе султан и царевна осматривали в это время новый дворец. Они вошли в комнату для танцев.

Султан заинтересовался поющим полом, осторожно вступил на него и извлек две ноты.

– Нам нравится, как поет пол, – одобрил султан.

Везирь pokrивился и шепнул повелителю:

– Если поет пол, как тогда подкрасться и узнать, о чем говорят?

Султан недовольно на него покосился.

Они вошли в зал для платьев. Султан поглядел на себя в зеркало.

– Нам нравится зеркало, – сказал он. – Мы в нем на десять лет моложе, чем в нашем пруду.

Бу-Али Симджур опять покривился.

– Когда есть зеркало, как же тогда спрятаться и подсмотреть?

Султан сердито засопел и вернулся в зал для гостей.

Он протянул руку к кальяну. И кальян подлетел к нему, закурился. Выпуская длинную струю дыма, султан сказал громко, чтобы все слышали:

– А еще нам нравится, что двери открыты для всех гостей!

Везирь нашелся и на этот раз:

– Если всех угощать – казны не хватит.

Султан хлопнул кулаком:

– Нам опять надоел наш везирь!

И невидимая рука тотчас же приподняла Бу-Али Симджура за шиворот. Он жалобно оглянулся. Но рука повела его так, что он шел, едва касаясь пола, и вытолкала за дверь.

Мубарак и магрибинец из-за кустов увидели, как везиря вышвырнули из дворца. Бу-Али Симджур шлепнулся на землю. Мубарак пригнулся, чтобы отец его не заметил.

В ярости везирь вскочил на ноги и убежал, подняв полы халата.

А магрибинец вручил Мубараку меч и сказал:

– Теперь иди!.. Слышишь? Ну иди же!

– Кто идет – я или ты? – плаксиво сказал Мубарак. – Если ты будешь мне говорить «иди» да «иди», я никуда не пойду!

– Хочешь полцарства и царевну?

– Хочу...

– Тогда иди!

Мубарак стоял и не мог решиться. Магрибинец спросил:

– Ты не забыл, что должен сказать?

Мубарак заученным голосом пробормотал:

– «О султан, нет мне прощения, убей меня, как ядовитого пса...»

– Вот-вот... Иди!

И Худайдан-ибн-Худайдан выпихнул его из кустов.

Мубарак вздохнул, поправил лампу за пазухой и нетвердой походкой скрылся во дворце.

На свадьбе гости ели-пили. Аладдин и Будур держались за руки. Султан дремал.

– Смотрите, кто пришел! – вдруг засмеялась царевна.

На пороге, держа под мышкой меч, стоял Мубарак. Он тер глаза кулаками.

– Зачем ты пришел? – спросил, встрепенувшись, султан.

– О великий султан, – воскликнул Мубарак, суя ему рукоятку меча. – Нет мне прощения! Убей меня, как ядовитого пса!..

Султан отшатнулся.

– ...Тогда я сам себя убью, и аллах меня проклянет!

Мубарак приставил меч острием к своему животу и зажмурился.

Все зашумели.

– Чего же ты медлишь? – спросил насмешливо Аладдин.
Мубарак открыл глаза и сказал угрожающе:
– Считаю до трех!.. Ра-аз...
– Прости его... – попросила султана Будур.
– Не омрачай свадьбу... – дрожащим голосом поддержал ее Абд аль-КаDIR.
– Два-а... – сказал Мубарак и поправил за пазухой лампу. – Два с половиной... Два-а с четвертью...
– Плохой сон, надо проснуться... – буркнул султан.
Все закричали:
– Прости его!.. Прости, великий султан!..

– А что скажет наш... – Султан поискал глазами везиря, не нашел и милостиво сказал: – Ну, раз везиря нет – тогда ладно, прощаю...
– Благодарю, великий султан!
Мубарак низко поклонился повелителю и скромно примостился в углу.
– Вот что... – сказал султан Аладдину. – Нам нельзя без везиря. Не знаешь ли ты подходящего?
– Знаю, – сказал Аладдин. – Даже целых двух.
Шепнул что-то в лампу.
И перед султаном, будто из-под земли, появились два мастера. На их руках и лопатках была глина, а у одного на ладони лежал даже мокрый кирпич.
Мастера и тут не удивились.
– Почтенные мастера, – сказал Аладдин, поставив лампу на ковер, – великий султан спрашивает, не согласится ли кто из вас занять должность везиря? Советовать ему – что и как, помогать в решении дел...
Мастера с достоинством молчали.
Все глядели на них. И никто не смотрел на лампу. Этим воспользовался Мубарак.
Затянувшись из кальяна, он выпустил такой клуб дыма, что все скрылись из виду и зачихали.
Даже джин выскочил из дворца и чихнул.
С быстротой молнии Мубарак выхватил лампу из-за пазухи и обменял ее на волшебную. Потом обвел глазами свадьбу. Никто ничего не видал.
Чихнув в последний раз, мастер Абу-Яхья пошевелил своими бровями и спросил у рыжебородого:
– Мастер Абу-Наиб, хочешь ли ты стать везирем?
– Нет, – ответил рыжебородый, беря свой кирпич под мышку.
– Не хочет? – удивился султан.
Абу-Яхья ему объяснил:
– От мастера останется минарет, а от везиря что?
Султан не нашелся, как ответить.
А мастера поклонились и скрылись в дверях.
Султан мрачно повернулся к Умару Убейду.
– Когда проснемся, обоим отрубим головы! – кивнул на Абд аль-КаDIRа. – Заодно ему тоже... Насчет головы жениха тебе и так все известно!

Пока султан распоряжался головами и Умар Убейд в знак послушания кланялся, Мубарак неспешно поднялся с места, медленно пошел к выходу, прижимая к груди лампу.

Так же медленно он вышел. Но едва очутился за дверью, со всех ног помчался к кустам.

* * *

Худайдан-ибн-Худайдан выхватил лампу прямо из-за пазухи Мубарака и потерял ее из всех сил.

Откуда-то явилась тень джина и исчезла в лампе. Магрибинец опять потерял лампу. Джин на мгновение высунул из нее голову, на его лице было недоумение. Что-то проворчав, он скрылся.

Магрибинец потерял лампу еще яростней. Джин не вылезал.

– Выходи! – прошипел магрибинец.

– Не выйду! – глухо сказал джин из лампы.

– Выходи!!

– Не выйду!!!

Мубарак во все глаза глядел на лампу и на колдуна.

Теперь Худайдан-ибн-Худайдан стал тереть лампу обеими руками. Джин нехотя вылез. Он угрюмо молчал, не глядя на магрибинца.

– Что надо сказать?! – заорал тот.

– Слушаю и повинуюсь, – еле выдавил из себя джин.

Колдун наслаждался своей властью.

– Кто ты такой?

Джин молчал.

– Ну?!

– Я раб лампы.

– Повтори!

– Я раб лампы.

– Громче! Не слышу!

– Я раб лампы! – рявкнул джин так, что с дворца посыпалась штукатурка.

Худайдан-ибн-Худайдан торжествовал.

Мубарак нетерпеливо толкнул колдуна в бок.

– Скорей прикажи, чтобы унес Аладдина в Бельбейс...

Только сейчас магрибинец обратил внимание на Мубарака.

– Куда-куда? – переспросил он.

– Его в Бельбейс! – сказал мстительно Мубарак. – А меня жени на царевне!

Магрибинец кивнул, что-то сказал джину.

И Мубарак взлетел... и очутился на какой-то поломанной табуретке. Его щеки были намылены. Ничего не понимая, он моргал глазами. Его держал цирюльник за кончик носа. В другой руке цирюльника был нож-скребок.

Перед цирюльней виднелись две лавки, три дома. Вокруг желтела пустыня, барханы песка.

Несколько раз Мубарак пытался что-то сказать, но каждый раз мыло попадало в рот. Наконец ему удалось пискнуть:

– Где я? Что за местность?

– Бельбейс, – сказал цирюльник и дернул его за нос.

А на свадьбе произошло нечто еще более удивительное. Играла музыка, все веселились. Вдруг Аладдин исчез, а на его месте сидел Худайдан-ибн-Худайдан.

Царевна Будур забила в ладоши и сказала:

– Ты очень удачно превратился в это чучело. А теперь превратись, пожалуйста, обратно в Аладдина!

Магрибинец криво усмехнулся и придвинулся к ней.

Увидев «дядю», Абд аль-Кадир издал возглас изумления. Магрибинец обернулся.

– Что ты сказал?

– Я говорю: «В Багдаде все спокойно», – пробормотал сторож и исчез.

– Какой веселый сон! – сказал султан и тоже исчез.

Куда же девался Абд аль-Кадир? Он упал на голову мастерам, возвращавшимся из дворца. Мастера поднялись сами, потом поставили на ноги сторожа. Абд аль-Кадир чуть не плакал от обиды.

Улыбнувшись в рыжую бороду, Абу-Наиб сказал:

– Что же ты не кричишь: «В Багдаде все спокойно!»?

А что касается султана, то он свалился во дворик Аладдина – да так, что коза еле отпрыгнула.

Некоторое время султан сидел на земле и не вставал, очевидно считая, что спит. Он тупо смотрел на козу. Коза смотрела на султана с тем же одухотворенным выражением.

Зубейда решила подбодрить козу.

– Не бойся... – сказала она. – Это султан... Он пришел к нам в гости... Скажи ему «ме»!

– Ме-е... – сказала коза.

Ну, а теперь, когда вы знаете, что случилось со сторожем и с султаном, послушайте, что было с Аладдином.

Он сидел в горестной позе в пустыне возле высохшего колодца. Это была такая пустая пустыня, где нечему даже выгорать: ни листика, ни травинки. Одни только гигантские трещины вокруг.

В поднебесье показалась печальная физиономия джина. Он опустился на песок, сел рядом с Аладдином, тяжело вздохнул и потупил огромную голову:

– Великодушно прости, но я должен тебя убить.

– Убей, – сказал Аладдин, не поднимая глаз.

– Я твой друг, но я раб лампы, – сказал джин.

– Конечно, – сказал Аладдин.

Раздираясь противоречиями, джин сказал:

– Я раб лампы, но я твой друг!

Аладдин пристально на него посмотрел:

– Так раб или друг?

Джин мучился, пыхтел, вздыхал.

– И почему именно раб? – спросил Аладдин.

– Такой закон, – угрюмо ответил джин.

– Надо самому соображать, что хорошо, что плохо.

– А люди соображают? – огрызнулся джин.

Обхватив руками голову, он упал на землю и застонал, сотрясаясь от отчаяния.

Аладдин заметил валявшееся у колодца старое кожаное ведро, и ему в голову пришла счастливая мысль. Он поднял ведро и подошел к джину.

– Полезай в ведро!

– Зачем? – удивился джин.

– Будешь там жить. Не хуже, чем в лампе.

– В ведре?! – воскликнул джин. – Но ни один джин еще не жил в ведре!

– Ты будешь первый, – сказал Аладдин.

Джин недоверчиво посмотрел на ведро – и вдруг стал хохотать.

Он хохотал до слез. Хохотал, катаясь по земле. Хохотал так, что в конце концов не выдержал и бросился в ведро. И оттуда понесся хохот.

– Не понимаю, что тут смешного? – сказал Аладдин.

Ведро тряслось от смеха джина, и перевернулось, и покатилося, и опять затряслось.

– Что с тобой? – спросил Аладдин.

Джин вылез из ведра.

– Десять тысяч лет я так не смеялся! Я раньше что делал? Золото таскал, принцесс крал... Но чтобы жить в ведре?

И захохотал вновь.

– Ты еще многого не знаешь, – сказал Аладдин. – Лезь в ведро, устраивайся, да поскорей! А то в небе уже зажглись звезды...

Джин послушно влез в ведро. Слышно было, как он гремит, устраиваясь там. Из ведра вылетели два камешка и шарик овечьего помета.

Аладдин с надеждой смотрел на ведро.

– Ну как?

Вдруг джин выскочил из ведра. Его била дрожь.

– Трут лампу... трут лампу... трут лампу... – жалобно бормотал он.

Внезапно решившись, сказал:

– Ну и пусть!

И нырнул обратно в ведро. Раздался его голос:

– Потри меня!

Аладдин потер ведро. Джин вылез оттуда и сказал:

– Слушаю и повинуюсь!

– Ну, а теперь отправь колдуна... – сказал Аладдин и умолк.

– Куда? – спросил джин.

– Туда, откуда уже нельзя вернуться в Багдад! Сам придумай!

Наморщив лоб, джин задумался. Потом сказал:

– Знаю! Есть одно место!

...Сидя рядом с царевной, Худайдан-ибн-Худайдан яростно тер лампу. И на свадьбе опять произошло чудо. Магрибинец исчез, а на его месте сидел Аладдин. Только почему-то у него в руках было старое ведро.

Царевна Будур захлопала в ладоши.

– Пожалуйста, больше не превращайся ни в кого. Хорошо? А то мне было так скучно!.. А где мой отец?

...Султан при свете звезд доил козу во дворике Аладдина.

– Мне снилось, – нетвердо говорил он Зубейде, – что я был султаном...

– Не отвлекайся! – сказала Зубейда.

Внезапно султан исчез.

И очутился на свадьбе. Играла музыка. Горели факелы. Веселились гости. Султан закрыл глаза, опять открыл, опять закрыл, опять открыл и сказал:

– Мне снилось, что я доил козу.

И залился смехом.

В это мгновение в другом конце зала на ковер свалился Абд аль-Кадир. Султан увидел его и добродушно приветствовал как старого знакомого:

– Эй ты, «в Багдаде все спокойно»!

В ответ сторож подпрыгнул как петух, хлопнул из всех сил колотушкой по ковру, так что поднялась пыль, и завопил:

– В Багдаде никогда не было спокойно!

И все с удивлением уставились на него.

* * *

В зыбком ночном свете возносил свои легкие очертания дворец Аладдина. Его башни тянулись к звездам. И звезды сверху смотрели на него своими золотыми глазами.

Из дворца вышли Аладдин и царевна Будур. Он держал в руках ведро, она – волшебную лампу. Они остановились в саду.

Вокруг виднелись недвижимые, будто заколдованные, деревья.

– Потри лампу... – шепнул Аладдин.

Царевна потеряла лампу. Джин не явился. Аладдин весело рассмеялся, потерял ведро. И джин оказался тут как тут.

– Слушай, джин, – сказал Аладдин. – Мне интересно, что же это за место, откуда нельзя вернуться? Куда ты отправил его?

– А-а, – сказал джин, горделиво улыбаясь. – Вот он!

И ткнул своим огромным пальцем в небо. Аладдин и царевна задрали головы и увидели – да, да, увидели Худайдана-ибн-Худайдана, опять летевшего на черном верблюде. Но на этот раз он мчался прямо к луне, делаясь все меньше и меньше.

Будур испуганно вскрикнула:

– Только бы он не стукнулся об луну!

Но он уже стукнулся. Раздался звон – будто удар в колокол. Из глаз магрибинца и из глаз верблюда посыпались звезды. И в небе зажглось целое новое созвездие.

И это было еще не все. Раскрыв рты, Аладдин и царевна смотрели, как вокруг звезд в небе проступили трепетные знаки зодиака: Конь, и Земля, и Семь Братьев, и Скорпион, и Шапка Пастуха, и Козерог с Водоносом, и все другие фигуры созвездий, и, кроме них, новый знак зодиака, которого еще не видел никто, – Магрибинец на Верблюде.

Джин фыркнул от удовольствия.

– Он будет крутиться там вечно, – сказал он. – С неба не убежишь!

Помолчав, джин добавил:

– Все созвездия были прежде кем-то на Земле, и у каждого есть своя история.

Знаки зодиака стали меркнуть. Дольше всех из глубины мироздания смотрел на землю огненный глаз магрибинца. Но вот и он померк. Фигуры зодиака исчезли, а звезды продолжали гореть.

– Спасибо тебе! – сказал Аладдин джину. – Видишь, как ты все хорошо придумал сам, без меня.

– Это верно, – простодушно сказал джин. – И знаешь, думать самому в сто раз интересней.

– А сейчас скажи: что хочется тебе? – спросил Аладдин.

– Мне?

Джин всхлипнул, провалился в ведро, и оттуда раздались глухие рыдания:

– Мне?.. Десять тысяч лет живу... – говорил джин из ведра, заливаясь слезами. – И никто... Никогда... не спрашивал меня... что я хочу...

Голос джина прервался:

– Я хочу... я привык... я хочу... назад в лампу!

Аладдин улыбнулся.

– Иди!

Ведро опрокинулось.

А волшебная лампа вырвалась из рук царевны, упала на землю, завертелась и замерла.

Джин высунул голову из лампы и глубокомысленно заключил:

– Так в сказках бывает всегда: плохие люди улетают на верблюдах или их бредут в Бельбейсе, а хорошие люди доят коз и держат за руку царевен.

Откуда-то из темноты появилась Зубейда. Она сказала сыну, радуясь, что все так хорошо кончилось:

– Если бы ты не начитался сказок, с тобой бы ничего не было.

И ушла в темноту, оставив Аладдина и царевну наедине.

Они стояли, держась за руки. Вокруг все было тихо.

Спал джин, утихомирясь в лампе. Спали цветы.

Спал Багдад под огромным колпаком звезд.